

к.84(2РезРн)6-5
Е 96

Георгий Ешимов

МЕДВЕДИЦА-ЮГРА

An aerial photograph of a large, calm lake surrounded by a dense green forest. A small, tree-covered island is situated in the upper right portion of the lake. The shoreline is visible, showing a mix of grass and trees. The overall scene is peaceful and natural.

к 84(2Рос+4с)6-5

Е 96

Георгий Ешимов



МЕДВЕДИЦА-ЮГРА



9000791152

11070428

кф

Сургут – 2011

УДК 882
ББК 84 Р7
Е-91

**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР**

Ешимов Г. К. Медведица-Югра. Сборник стихотворений. Сургут. – Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2011. – 112 с.

ISBN 978-5-7142-1308-3

© Ешимов Г. К., 2011

Георгий Карожанович Ешимов

Медведица-Югра

Сборник стихотворений

Компьютерная верстка Курициной К. А.

Корректор Бумагина В. П.

ISBN 978-5-7142-1308-3



Сдано в набор 16.03.2011 г. Подписано в печать 10.04.2011 г. Формат 60х84^{1/16}.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 7,84. Тираж 150 экз. Заказ № 363.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870, Курганская обл., г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В новом сборнике стихотворений Георгия Ешимова, посвященном Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, автор оказывается гостеприимным хозяином края. С необыкновенным радушием он ведёт читателя по Ханты-Мансийску, Нефтеюганску, Лянтору, в поселки Федоровский, Пионерский. Любуется с ним водной гладью и берегами в плавании по Оби на «Метеоре», радуется ледоходу в сургутском речпорту.

Кандидат технических наук, изобретатель, патентный поверенный РФ (единственный в округе), доцент кафедры «Нефтегазовое дело» Сургутского института нефти и газа, он не только поэт, а учёный, которому технические реалии добычи полезных ископаемых говорят больше, чем кому-либо из самых искренних певцов сибирских красот и трудностей. Центр сборника занимают стихотворения «Подъём колонны», «Вышкомонтажник», «Перевахтовка».

Но картины самозабвенного труда и каждодневных забот не закрывают от него России, лирический портрет которой он создаёт с исключительной любовью и теплотой:

РОССИЯ – РУСЬ...

*Край березовых зим,
Тополиного лета,
И осенних осин,
Обагранных рассветом,*

*Замороченных снов,
Заколдованной сини,
И соломенных солнц,
И просторов – Россия...*

*Я полянку найду –
Заросла земляничкой...
И плашмя упаду,
И губами приникну...*

*В корневища уткнусь –
Здесь никто не растопчет...*

*Я твой малый росточек,
Залесенная Русь...*

Георгий прекрасно представляет, что и как происходит вокруг, не зря он прошёл путь от «Обънефтегазгеологии» до «Сургутнефтегаза» в тесном контакте с производством.

*От сейсмозазведки до буйных фонтанов
Лежат мегатонны трудов неустанных,
Секунды раздумий, минуты тревог,
Квадраты планшетов и ленты дорог.*

К поэтическому творчеству Георгий обратился в юности, посещая студию «ЛОГИК» Ленинградского горного института под руководством знаменитого ленинградского барда-геофизика А. Городницкого, и на литературную стезю в Югре вышел, будучи уже зрелым мужчиной. Не зря в стихотворении о поселке Тарко-Сале его так занимает созвучие названия посёлка с Царским Селом. Главное свойство поэтики моряка и геолога Ешимова заключается в особом единстве поэтического образа и факта. Милый сердцу Сургут видится ему в центре современной России:

*И представляю Сургут
Только точкой на контурной карте
Необъятных просторов
С названием пламенным Русь.*

С особым лирическим чувством изображает автор ставший родным город с Комсомольским проспектом, улицами от Бульвара писателей до Мелик-Карамова, Белым Яром и Чёрным Мысом, кинотеатром «Аврора», Центральной библиотекой с памятником Пушкину и улицей Островского, на которой светится бюст Тараса Шевченко.

Вдохновенными, необычными стихами Георгий обращается к судьбам поколений и отдельных личностей. Описание фигур, явно принадлежащих мифологии, перемежается с песенным изображением тонких лирических чувств:

*Юная березонька
Меж подруг растёт,*

*Берестю тоненька
Розово цветет.*

*Соком наливаются
Молодая статья.
Вырастай, красавица,
Ветру не сломать!*

Яркое представление вымышленных героев поэмы «Буровики» сменяется обращением к конкретным живым либо жившим в Югре людям. Это бессмертный геолог Фарман Салманов, знаменитые нефтяники Владимир Богданов, Виктор Федоров, Геннадий Левин, Мидхат Зарипов, мэр Нефтеюганска Юрий Петухов, сургутские поэты Пётр Суханов и Александра Лазарева, журналист Анатолий Зубарев, предприниматель Владимир Самборский и многие другие.

**Член Союза писателей России Сергей Сметанин,
г. Санкт-Петербург**

МЕДВЕДИЦА-ЮГРА

Ежечасно меняя свой лик
На равнинах сибирских постелей,
Лижет мать медвежаток своих
Языками шерщавых метелей.

А настанет пора расцветать,
Я по абрису карты беспечной
Вижу: мчится медведица-мать
На восток по тропе бесконечной.

Ровен бег – это вам не игра,
Задом к Западу – быть надо проще!
Всё медведицей мчится Югра,
И порыв её ровен и мощен.

МАМОНТЁНОК

Маленький мохнатый мамонтёнок
Маётся погоде вопреки
На опушке рощицы зеленой,
Под обрывом матушки-реки.

Впереди вышагивают хмуро,
Бивни изогнув наперевес,
Родичи – суровые натуры,
Гибнущий покинувшие лес.

Позади мосты и переправы,
Впереди – превратностей чертог,
Стынет день пожухлостью отавы,
Бронзовеют призраки дорог...

Мамонтихи фыркают спросонок:
«Не мешайся, малый, не тревожь!»,
Их бегущий сзади мамонтёнок
Так на сына моего похож!

Носом ли пониже подбородка,
Взглядом ли: «А ну-ка, не перечь!» –
Рад был дед за крепкого потомка
Перед тем, как лечь и умереть...

Рад и я: «Ведь вырос пострелёнок! –
С вожакom шагает наравне,
А его сын – тоже мамонтёнок –
Следом семенит по целине...»

ОСЕНЬ

Т. Ф. Евпак

Налетели северные ветры,
Будто веером махнул Всевышний,
Западной Сибири километры
Он палитрой разукрасил пышной.

Золотом и медью позасыпал
И леса, и тундру, и болота,
И затоны обские накрыл он
Витражами яростной работы.

Рыбаки, раскинувшие сети,
Добывают муксунов тяжелых
Несмотря на северные ветры,
Невзирая на речные волны.

Понависли тучи грозовые,
Лед на перекрестки лёг Сургута,
И авто беспечные завывли
В пробках, образованных под утро.

И взметая лиственные кучи
Словно вальсом юбочки в танцзале
Плачут подвздохмаченные тучи...
Осень, осень, дворники устали...

МАТЕРИНСКИЙ ДОМ

Отец оперенье Победы ковал,
А после – оградку для бабки,
Чтоб я под березкой в тени горевал
О маме, чей дом в беспорядке...

Откуда печали, откуда разор?
Мамай ли, бабай ли проехал?
И мама страдала: «Позор мне, позор,
Соседям на радость потеха...»

Она той Великой войны ветеран,
Вернее, гражданский участник,
Ослепла от горя, оглохла от ран,
Устала от разных напастей.

Но выросли трое её сыновей,
Их дети родились и внуки,
Синдром воспитания грезился ей –
Светлей не найдёте докуки.

Болезни и немочь томили её,
Суставы скрипели и ножки...
Взрастало будыльями трав ребячьё,
Забыты к старушке дорожки...

Лишь мне в её доме питьё и привал,
Где сплю, позабыв про подружку...
Отец оперенье Победы ковал,
Я – мамину чищу избушку...

ТОПОЛЬ И БЕРЕЗКА

На высоком берегу,
Над рекой сибирской,
В полудённой неге
Тополь серебрится.

Веселится рядом,
По-девичьи броска,
Шаловлива взглядом,
Белая березка.

Ластятся листвою –
Чувственная пара,
А в тени спокойно
Им поёт гитара.

А когда прически
Зажигает осень,
В кроне у березки
Ярко светит проседь.

Шапкой золотою
Милой восхищенный,
Беспокоен тополь,
Молодой, зеленый.

И еще сильнее
Перешёпот пары,
И еще звонче
Перебор гитары.

Памяти первого мэра
Нефтеюганска Ю. Петухова

И автоматный перестук
У мэрии с утра,
И плач жены,
и трепет рук,
И действовать пора...

Её в цеху ковали руки жаркие,
И вкладывали души в завитки...
Над нею ива изогнулась аркою –
Мерцают листьев тонкие следки.

10

А солнца луч в листе уже полощется,
И ветер оседлали облака.
Молчит скамья. Тепла красивой хочется,
И подлокотник холодит слегка...

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ БУРОВАЯ

Их геолог Салманов
 сюда из упрямства привел,
Деньги сметы
 отпущены были совсем на другое,
И станок буровой
 на плоту по Оби гулевой
Долго плыл беззаботно,
 по высшему счету, изгоем.

А в реке и муксун,
 и налим, и язи,
Остроносая стерлядь,
 и быстрые хищники-щуки,
И никто им сумой и тюрьмой
 свысока не грозил –
Всем хотелось проверить
 прогнозы дотошной науки.

У Березова – «стоп»,
 и на берег вручную станок
Затащили,
 и вышку неспешно собрали.
И опять не туда,
 где на карте торчал «куполок»,
Долото буровое
 по чреву земному погнали.

Цепь случайностей русских,
а звенья «авось» да «небось»,
(И на Бога надеявшись,
сами-то не оплошали),
Вдруг замкнулась фонтаном,
вонзившимся в небо, как гвоздь,
И как перст,
утоливший сухие земные печали.

И узнала страна
про Урай, Саянск и Надым,
Про Сургут и Тюмень,
позалитые золотом черным,
И Баку задрожал,
будто небо разверзлось над ним,
Конкурентом своим,
появившимся вдруг, удрученный.

Потекли по нечистым
и прочим хапужным рукам
Ручейки и арыки,
и реки земного богатства,
Оставляя гроши
геофизикам, буровикам,
И основу распада
являя собой государства.

А фонтаны иссякли,
насосы в работу пошли,
И в швейцарские вены
от русских сердец убывая,
Все пульсирует в трубах
кровинушка нашей Земли,
И стоит над страной
заблудившаяся буровая.

Мимо идешь, улыбаясь,
Солнышком озарена,
Пагубам не поддаваясь,
Трижды чужая жена.

Ярко-татарская внешность, —
Скулы и брови вразлет,
Кровь ошарашенных предков
Следом безумно влечет.

Эх, изломать эти брови,
Болью уста изогнуть,
В темень бушующей крови,
Света струю окунуть.

За Святослава и Калку,
Вечного страха века,
За матерню и смекалку,
За упокой Ермака.

С тем, чтобы рядом, не мимо
Ты покорённая шла,
И чтобы нашего сына
Поутру в школу вела...

ЮНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКАЯ

А. П. Зубареву

Я сижу на станции Юность Комсомольская*
В жаркий полдень солнечный,
В полдень выходной,
И душа прохладой и свободой полнится,
Что еще для праздника надо ей, родной?

С нею нестареющей мы навек условимся,
Не считать составами мчащие года,
И сюда, на станцию Юность Комсомольская,
Возвратиться с песнею раз и навсегда.

Здесь улыбкой светлою все цветет любимая,
Пробежала доченька, скрылась за углом,
А сынишка маленький ржавою машиною
Все скрипит – катается под чужим окном.

Жду, что соберутся все, вот сейчас опомнятся,
На меня накинута, радостно браня...
Я сижу на станции Юность Комсомольская,
А вагон мой фирменный ждет и ждет меня...

РУССКАЯ ИЗБА

*Поэтесса Александра Лазарева
воссоздала в школе обстановку рус-
ской избы...*

«Новый город»

Вхожу сюда легко и детство вспоминаю,
И маму вижу там на фото и с отцом,
Улыбка в пол-лица – такая молодая,
И толстая коса над головой венцом.

* Железнодорожная станция между Тобольском и Сургутом.

Вот этим-то красна моя изба – углами,
Где фото чешуя, иконный полумрак,
Где пахнет молоком и теплыми блинами,
Где солнца блик грядёт: «Вставай, сынок, пора!»

А серый бромпортрет хранит лица живинки
В изгибе мягких губ, в сиянье милых глаз,
И свеж румянец щек, и ни одной морщинки,
И нет причины их – ведь нету еще нас...

Здесь нега и любовь от бабушки и деда,
И шашка на стене, за печкой – домовой,
Здесь празднична всегда удача и победа,
Невзгоды и печаль, как саблей, – с плеч долой.

В окошко, – надоед, – таращится подсолнух, –
Штурвалом желтизна лучистых лепестков...
И русская изба, преодолевая волны,
К любимым берегам меня уносит вновь...

КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОСПЕКТ

Комсомольский проспект,
Чьи дома развеселой шеренгою
От речпортовских кранов
До Саймы зеленой стоят,
Где меж них я брожу,
Будто рыцарь бездомный Айвенго,
И моргает, как лошадь,
Задумчиво «хонда» моя.

Я пройду вдоль «Москвы»,
Мимо ярких витрин «Бонапартовых»,
Взором, чистым до слёз,
Я в порталльные краны уткнусь,

И представлю Сургут
Только точкой на контурной карте
Необъятных просторов
С названием пламенным Русь.

В этой точке есть всё –
Нефтегаз и Газпром с «универсами»,
Хочешь, «маг», хочешь «сити»,
А можешь, – вон, целый гектар...
И проспект Комсомольский
С друзьями-подругами верными,
И проспект Пролетарский
И даже поэтов Бульвар.

Нету только тебя...
Ты умчалась ветрами влекомая,
Будто леди Ровена
В закатный мерцающий свет.
Пусть напомнит тебе
В старом Лондоне
Тучка знакомая
Этот чисто омытый
Дождем Комсомольский проспект.

БУЛЬВАР ПИСАТЕЛЕЙ

В. Т. Самборскому

Там, где кони трясут разноцветными лентами,
И рисуют морозы узоры усагие,
Где и Чехов, и Пушкин, и, явственно, Лермонтов,
Есть заснеженный сквер на бульваре Писателей.

Я Мартынова вспомню из группы студенческой,
Про Полину с Виагрой добром передумаю,

Посчитаю твой взгляд провозвестником вечности
Из нахлынувшей мглы через улицу лунную.

Эх, бульвар-Боливар, до чего ты коротенький,
Мне пройти по тебе по-весеннему хочется,
Чтобы солнце светило с небес по-хорошему,
А снегов чистота возрожденьем закончилась.

Разноцветной стеной, рапортующей сводками,
Строен плотно Сургут, место сыщется всякому...
И сынище подросший знакомой походкою
Мне навстречу спешит по бульвару Писателей.

ПУШКИНУ

Вас двухсотодинадцати –
Летним не представить...
Вашим бакенбардам
Не дано сесть –
До сорокалетья
Мир пришлось оставить, –
От кавалергардской пули умереть.

Но с тех пор признанья нет
Никаким поэтам,
Их прижизненный уклад
Скромнен и убог,
Несмотря на то, что нам
Всем известно это:
Их устами запросто
С нами речет Бог.

Прикуплю гвоздичек я –
Хватит моих кровных,
Снова к площади приду –

Припаду к ногам:
Не строжите, Сашенька,
Губ своих безмолвных,
Заклеймите прозою
Этот стыд и срам!

ПУШКИН

Он стал на площади в Сургуте, –
Печаль поэта высока,
И в нашу Обь влились как будто
Фонтанка, Мойка и Москва.

Увы, не бывши здесь ни разу, –
«Во глубине сибирских руд»,
Предугадал одною фразой
Нефтяников тяжелый труд.

А Кюхельбеккер ведь смеялся:
«Не езд, Сашенька, в Сургут,
Зря ты стихи писал, старался,
Поэтов там не издают.

Твердят одно – мол, денег нету...
Не потревожим их покой, –
Негоже русскому поэту
Стоять с протянутой рукой».

Он символ наш!
Не канем в Лету,
Не будем милостыню ждать,
А дом, что за спиной Поэта,
Трудами нашими питать!

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Когда-то был он Новым годом,
И пальма украшалась вмиг
Гирляндами, и хороводом...
Ходили зайцы меж людьми...

Прошли века, всё изменилось,
Мятежные календари
Года вперед чуток сместили,
Взяв за основу января.

Кто праздновать хотел, как прежде,
Назвали дурнями... смягчив,
День смехом нарекли в надежде
Нас от канонов отлучить...

Капель весеннюю в колодцы?
Про Новый год весной забыть?
Но можно просто приколоться
И тем на миг довольным быть.

В день смеха розыгрыши, шутки
Нас от унынья отвлекут,
И дня веселые минутки
Облегчат жизненный маршрут.

Хожу настороже, как окунь,
Чуть что и сразу же в кусты,
Но вновь готов ушами хлопать,
Лишь только улыбнешься ты...

Стучит по подоконнику капель,
Сияет солнце ярко, без изъяна,
В Югру вступил безбашенный апрель,
Свой первый день отпраздновав пиано.

Пытались мы фортиссимо его
Перетолкнуть на будущие числа,
Не получилось, братцы, ничего –
Как полумесяц, пауза повисла.

А дальше посмотри, не унывай,
Меняя цвет зеленый свой невинный,
Югра вступает в красный Первомай, –
Тельцы свои справляют именины.

8-е МАРТА

О, женщины Земли,
Вы так милы!
И умопомрачительно красивы,
Как парусные в море корабли
По жизни вы плывете горделиво.

У каждой свой регистр и тоннаж,
И порт приписки,
И своя фортуна...
Надежный и не очень экипаж,
И вечно чем-то недовольный штурман.

Под кливерами лихо наклонясь
Над безднами зияющей рутины
Проходите, каютами светясь,
Мечтами детства, чудо-бригантины.

Расправит плечи старый полиспаг.
Свой курс отметив на пиратских картах,
Я с праздником спешу поздравить вас:
С Международным днем 8-е Марта!

МАРТОВСКИЕ ИДЫ

Вы, помним, унижали нас
 порой матриархатною,
Хотя мы тщились выполнять
 для вас любой каприз,
Нас упрекали малыми пещерными квадратами,
И в праздники дарили нам
 себя, как главный приз!

С тех пор промчались сто веков,
 как эшелоны памяти,
Сменялись вехи, эры, строй, но не менялись вы:
На место главное любовь
 по-прежнему вы ставите,
А остальное всё потом – по прихоти молвы...

Мы потеснили всюду вас:
 в науке, власти, в шахматах,
Старайтесь – не старайтесь вы –
 патриархат сильнее,
Вам лишь весной оставили,
 чтоб только вы не ахали,
И чтоб напомнил о былом восьмого марта день!

Вас поздравляя с этим днём – матриархатной памятью,
Мы вновь готовы выполнять для вас любой каприз,
Вам свои мысли подчинять в душевной нашей замятии,
И вновь улыбки получать,
и вас, как главный приз!

ТАРКО-САЛЕ

Тарко-Сале – не Царское Село,
Туда сбегал я от забот и стрессов,
От совещаний разных и конгрессов,
Там выше крыш сугробы намело...
Тарко-Сале – не Царское Село.

Тарко-Сале – не Царское Село,
Недалеко до Обского залива,
Там смотрят женщины
 призывно и тоскливо,
И небо хмурит низкое чело...
Тарко-Сале – не Царское Село.

От факелов тревожно и тепло,
Дрожат сиянья бахромою книзу,
И розоватым светится капризом
Уроненное чайкою перо...
Тарко-Сале – не Царское Село!

АВТОБУС

Не разъезжен, браво, шведы!
Не разбит назло чертям, —
На работу, на обеды
Он развозит сургутян.

Вот меня везет с вокзала
На лазоревый восток,
Где, как блюдо, солнце встало,
Неизменное и в срок.

Симпатичная кондуктор, –
Ша, не надо «тра-ля-ля»,

Смотрит, губками надутю
Чуть спросонья шевеля.

Что-то в книжке быстро пишет,
Как челнок, рука снуёт,
И постельной негой дышит
Бюст над сумкою её.

Нежной прелестью распятый,
Никну гордой головой...
Эх, автобус сорок пятый,
Комфортабельный ты мой!

ПОЕЗД

Бесконечная аллея,
Высверк фонарей,
И захочется быстрее –
Некуда быстрее...

Над аллеей месяц льется
Желтым фонарем,
Проводница засмеется,
Ссыплет хрусталем.

Вырывается из сини
Темных навых вежд
На простор моя Россия –
На восход надежд.

ДОРОГА ДОМОЙ

Мне ту дорогу
Хаять не с руки,
И станций мало, –
Не на что ругаться:
Три поезда летят вперегонки –
На Томск,
На Кемерово
И на Нижневартовск.

А за Тюменью –
К норду колея
И прямо,
Ни о чем не беспокоясь,
Через Тобольск,
Демьянку
И Пыть-Ях
Один помчит
Мой пассажирский поезд.

Туда, где мой вокзал,
Где суета, –
Таксисты вперебой
Осатанели...
К геологам я,
Где моя мечта
Ждет в теплоте
Распахнутой постели!

В костюме синем проводница,
Порядка строгого сестра,
Скажи, как долго будет сниться
Твой взгляд добра и серебра?

Надолго ль сохранят сугробы
Тринадцатый, а не другой
Вагон купированной пробы,
С местами в Новый Уренгой?

Сургут – вокзала нету краше...
Я жду его, хоть спать пора,
Но с проводницею Наташей
Готов быть бодрым до утра.

КАМИЛЛА

Улыбкой открытой и милой
Сведет и с ума и к венцу, –
Французское имя Камилла
Моей проводнице к лицу...

Прилягу и вдруг мне приснится:
В сиянии добрых лучей
Идет вдоль купе проводница
Со связкой трехгранных ключей.

Она ко мне прямо шагает, –
Походка смела и горда,
И сердце моё открывает,
И входит с улыбкой туда...

Ночные поезда,
неясные маршруты,
Невидимых колес
единый перестук...
Прохлада простыней
приятна рано утром
ладоням отдохнувших,
наново чистых рук.

Я возвращаюсь в мох,
в знакомый вкус морошки,
В приятное тепло
улыбок и домов,
обыденных забот
обычные мороки...
А к вечеру опять
умчать от них готов.

ОТСТАВКА

Мы из геологии,
Как из детской обуви,
Выросли, отставили:
«Подбирай, кто хошь!»
Девочки-коллекторши,
Те, кто жив, состарились,
И внучат тетешкают:
«Только нас не трожь...»

Мы добычу множили,
Сами чем не пожили,
Думали, что вот ещё,
«И пойдёт сама...»

Но явились неучи
С ласковыми рожами,
По которым плакала
Местная тюрьма...

Новое отставили,
Планы все «поправили»,
И решили: могут всё,
«Трубы, мол, трубят!»
И досрочно опытных
На покой отправили –
Нас, из геологии
Вышедших ребят.

НОВО НЕFTYANIKUS

Югру засеял вышками ажурными,
Пронзил ей грудь калеными амурными,
Как стрелами, насосными колоннами,
А луки – балансиры им поклонные.

Она к нему протягивала рученьки,
Себя дарила щедро, необученно,
Сполна все отдавала – до кровиночки,
До капельки последней – ягодиночки.

А он глядел рассудочно холодными
Глазами полуночными голодными,
Как истекала кровушкой влюбленная
Югра – на карте яркая зеленая.

Потухли ее глазоньки пресветлые,
Вся почернела – чувства безответные,
И кровь из ранок больше не пульсирует,
А он – все за границами курсирует...

ПОСЕЛОК ФЕДОРОВСКИЙ

– Ты чей, поселок?
– Федоровский я, –
Он отвечает, негою охвачен,
Насущные проблемы бытия
Усиливают местные задачи.

Сам Федоров с портрета подтвердит,
Что дух первопроходства не утрачен,
И «Комсомолки» благородный вид
Бурением и сейсмикой оплачен.

Виктор Петрович!
В яростных пластах
Твой интеллект, как импульс электронный,
Поселком вырос в солнечных лучах,
Взметенных мыслию твоей бессонной.

Отсюда твоё имя на века
Не точкой, а людьми известно стало!
– Ты чей, поселок?
– Федоровский я!
Таких фамилий на Руси немало!
2005 г.

* * *

Когда невмочь мне слушать выюгу,
И не помочь больному другу,
Когда не захочу я видеть
Родных, знакомых и гостей,
Возьму машину-трясогузку
И покачу на Профсоюзку:
«Налей, девчонка Несмеяна,
Бензина марки «Петролстейт»!»

Похожая на Мону Лизу,
Она посмотрит с укоризной:
«А почему я – Несмеяна?» –
И улыбнется, покраснев...
Запляшут снежные вершины,
По крышам заскользят лавины,
И впадин светлые долины
Поманят негой... Как во сне...

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ ВАЛЬС

Ты на холмах в междуречье стоишь,
Смотришься в них, как стремительный стриж,
Под козырьками чешуйчатых крыш –
Маленький город, совсем не Париж.

Угров прекрасный и древний народ
Издавна в округе этом живет:
Рыбу здесь ловит и соболя бьет,
Клюкву мешками на рынок везет.

Ханты-Мансийск, дует северный бриз,
Новой России друзья собрались,
Пусть рукоплещут Москва и Париж –
Чинно поклонится
Ханты-Мансийск.

Финно-угорские корни твои
В Буда и Хельсинки вновь зацвели,
Солнцем и радостью ты озарим,
«Слава Югории!» – мы говорим.

Нефтью богаты пропластки Земли,
К обским причалам влекут корабли,

Встретиться с ними сюда мы пришли,
В Ханты-Мансийск – лучший город Земли.

Ханты-Мансийск, ты судьбы нашей приз,
Радости нашей счастливый каприз,
Там, где сливаются Обь и Иртыш:
Сказка сибирская –
Ханты-Мансийск.

1998 г.

ВЕНГРИЯ

Я Венгрию уверенно люблю
С тех пор как аппетитно ты сказала:
«Дебрецен, Мишкольц снились королю
Под сводами Миланского квартала...»

Потом тебя я в Буде повстречал,
И мне звенящий тон мадьярской речи
Напомнил свист булатного меча
И лошадиной звяканье уздечки.

И проскакали всадники лихи,
Блестели галунами доломаны,
Махнувши саблей, Шандор Петефи
Развеял придунайские туманы.

И пролились дождем стихи окрест,
И строки их чисты – святые звуки...
И я тебе, как Буде старый Пешт,
Мостов своих протягиваю руки...

ТЮМЕНЬ

На перепутье трех дорог
Спиной прижала древний Камень,
На копошащийся Восток
Сверкаешь черными сосками...

Спокоен азиатский лик,
Раскоса улиц симметричность,
В прохладе сквера солнца блик
Рассеял прошлую трагичность.

Люблю очей твоих оклад –
Узорны улиц архаизмы, –
Неизменяемый, как уклад
Сибирской постепенной жизни.

СИНГ И СУРГУТНЕФТЕГАЗ

(Отрывок из поэмы «Сургутнефтегаз сегодня»)

От сейсморазведки до буйных фонтанов
Лежат мегатонны трудов неустанных,
Секунды раздумий, минуты тревог,
Квадраты планшетов и ленты дорог.

Добавь к ним насосы, спрессуй их в года,
И тысячи скважин получишь тогда.
Чтоб это крутилось, гудело, сверкало,
Надежного нужно иметь генерала.

А замы и помы нам тоже известны, –
Сургутские думы без них неуместны,
И вы догадались, о чем мой рассказ? –
Об Обществе нашем – «Сургутнефтегаз».

Он город содержит работой, налогом,
И скважины бурит, и строит дороги,
И тоннами нефть добывает и газ,
Он скромно зовется – Сургутнефтегаз.

А СИНГУ полвека исполнилось нынче,
Он строг и подтянут, блестящ и довинчен...
Мальчишки, последний окончивши класс,
Идите в помбуры, и к нам – в Нефтегаз!

Чтоб ротор крутился уверенно, смело,
Чтоб трубы звенели и мачты гудели,
Чтоб Родина крепла от нас и от вас –
На это нацелен Сургутнефтегаз!

Чтоб песни звенели светло, без отказа,
Во славу любви и Сургутнефтегаза,
И радость от СИНГа плыла постоянно
От нефтеразведки до буйных фонтанов.

ПОЛЕТЫ НАЯВУ

*Генеральному директору
ОАО «Сургутнефтегаз»
Владимиру Богданову*

За спиной облака полувека –
«Богом данный» – качалки поют.
Популярнее нет человека
На весь округ и город Сургут.

Володимир – владеете миром,
Вам и орден Андрея под стать –
Первозванного – русским кумиром –
Вас отметила Родина-мать.

Для нее Ваших мыслей движенье,
Для нее добываете нефть,
Открываете месторождения,
Укрепляя державную твердь.

И на зыбях песчаных, болотных
Поднимается город Сургут,
Где проходчики недр природных,
Под надежным началом живут.

И пичуги поют беззаботны
Под высоким крылом: «Жить, да жить!»
И раскрыты небесные своды,
Чтоб летать и творить, и любить!

БИМАТЕРИКОВОСТЬ

Сургутяне – родины основа,
И её пришельцам не понять.
Нам Европа – бабушкино слово,
Азия – и мачеха и мать!

Добрая, прохладная, лихая, –
Кормит и поддерживает нас...
А в Европе мы лишь отдыхаем,
Ведь зимой – Лянтор и Лангепас...

А какие очереди летом
За билетом – к бабушке слетать,
И обратно с искренним приветом
В Азию варенья доставлять.

Два материка – Урал им пояс –
Объединены одной судьбой,
Чтобы жили здесь не беспокоясь
Люди – сургутяне – мы с тобой.

Я силен ухом муксуновой
И хлебами из ржаной муки,
Сургутяне биматериковы,
И вдвойне поэтому крепки.

БУРОВАЯ

Суровая в ответственной работе,
Обходится без нежностей со мной,
Рыдают дизеля на тонкой ноте,
Пульсирует, как сердце, шар земной,

Шунтируемый трубами стальными.
А турбобуры рвут живую плоть,
И я – умелец между остальными,
Стремлюсь противоборство превозмочь.

А шар земной...
Он выживет ли вскоре?
Трудом сродни хирургу буровик.
Листы геологических историй
Я заполняю.
Горек мой дневник.

И резюме, как приговор, жестоко:
Я чести горняка не уроню,
И лишь ключи от дизельного блока
На память о любимой сохраню.

БУРОВОЙ МАРШАЛ

Г. М. Левину

Добр и мягок, как хвоя у кедра,
Стал характер – к эпохе привык...
Но стонали приобские недра
От долот и твоих буровых,

Тех, которые ты, словно маршал,
На пласты «в штыковую» водил,
И страна назвала тебя Мастер,
Поощряя бурильщика пыл.

С твоим именем связаны были
Яун-Лор и Быстринка, Лянтор... –
Расширяли твои буровые
Для Сургутнефтегаза простор.

По сто тысяч бурили бригады, –
Твой маячил пред всеми пример,
И страна не жалела награды –
Ты Звезды Золотой кавалер.

С орденами Труда и Почета
Твое сердце в атаку идет,
За тобою уставшие роты
Поднимая в последний поход...

ПЕНСИОНЕРЫ

Окончен тяжелый маршрут, –
Над Средним Приобьем привольным
Стоит утомленный Сургут,
В лесу утопая зеленом.

То ваших мозолистых рук
Заслуга, – очерчен, глядите
Для общества истины круг,
В нем ряд эпохальных событий.

Там вы теплотой своих глаз
Фонтаны в пространство взметали,
Чтоб имя «Сургутнефтегаз»
Звенело из бронзы и стали.

Не зная покоя и сна,
К итогам шагали свершений,
И слово «профессионал»
Имело десятки значений.

Разведчик, шофер, буровик,
С насосной ли был оператор,
Но каждый работать привык
На совесть, за крохи зарплаты.

И каждый в труде был пример,
Работал легко и в охотку,
А нынче лишь пенсионер,
На даче читающий сводку.

Но коль генеральный махнет:
«Вставайте, родные, на помощь!»,
То каждый из вас в мир придет,
Все навыки прежние вспомя.

Вы всем нам покажете, как,
Куда, для чего и откуда...
Спасибо за то, что у нас
Вы – корни могучего дуба
С названьем «Сургутнефтегаз»!

ЗИМНИЕ ГОРОДА

У Тобольска – знамена с платформы высокой,
И копченая рыба в торговых рядах,
И стоят тетрапаки фруктового сока,
И последняя в небе сияет звезда.

Над седым Иртышом наклонилась обитель,
Где в монашеской келье темны образа,
И читающий инок – суровый смотритель
На Аврору поднял голубые глаза.

Но везут поезда в развеселых вагонах
К северам загулявшую с юга братву,
Словно в стае борзых, ошалевших от гона,
Я в тумане похмельном и потном живу.

Возвращаюсь в Сургут к надоевшим палатам,
К вороватым торговцам и стаям ворон...
Вы меня к вышкарям заберите, ребята,
Пусть мороз поочистит с различных сторон.

Я забуду в снегах, и пушистых и белых,
Про созвездие Девы и свой Водолей,
И с ладони кормить буду ласковых белок,
И могучей рукою ласкать соболей.

Не вернусь в теплоту, стыньте, мягкие кресла,
Уходите пустыми назад, поезда,
Здесь, в мерцанье снегов моя муза воскресла,
И над храмом святым воссияла звезда!

СИБИРСКИЙ ОТСЧЕТ

Секстина

Белые ночи и лето в Сургуте,
Город над Обью вполглаза уснул,
Месяц игриво с качалками шутит –
Неугомонен ночной караул,
Двигается время в бессонном маршруте –
Волны колеблются – радостный гул.

Слышен под утро стартующий гул,
Аэропланы взлетают в Сургуте,
И беспокойны в далеком маршруте
Узы Морфея у тех, кто уснул –
С ними в кабине летит караул –
Ангел-хранитель в полете не шутит.

Дождиком небо сибирское шутит,
Солнце сияет и слышится гул.
Яркие зонтики – «На караул!» –
Дамы шагают по лужам в Сургуте,
И оператор усталый уснул
В синей «Каросе» – вахтовом маршруте.

Песню геолог в таежном маршруте
Громко поет и с коллектором шутит,
Юный помбур на полянке уснул –
Храп богатырский, как поезда гул.
Ждут вертолета – с начальством в маршруте –
Роты почетной стоит караул.

Вечный огонь, у огня караул –
Молодожены в отчетном маршруте –
Свадьбы играют, как прежде, в Сургуте,
И тамада разнаряженный шутит,
Под разгулявшийся свадебный гул
Будущий тесть, опьяневши, уснул.

Вот уже вечер, и снова уснул
Ветер – веселый Югры караул,
Смолк магазинов услужливый гул,
Солнце ушло в благодатном маршруте,
Мастер добычи с топографом шутит –
Белые ночи и лето в Сургуте.

ОБЗОР

За «Авророю» с иномарками
И немаркие «Жигули»,
В прометеевы ночи жаркие
Все трилистники расцвели.

Ходят девушки-раскрасавицы –
Ножки стройные, грудь вперед,
Настроение поднимается –
Мысли птицами, и – в полет!

Пролетаючи над урманами
Не считай незалеченных ран,
Вон встает над густыми туманами
Православья сияющий храм.

А над Обь-рекой чайки кружатся,
Белоснежные – так чисты...
Созидается, не разрушится
Основание красоты.

МОЙ ГОРОД

...Над болотами мачты ажурными стрел,
И натружены трубные вены,
И качалок торжественно-вечный удел
На пейзажах кивать неперенных.

Суэта «мерседесов» и важность коров,
Родовые охотоуголья...
Многолюды базаров, детсадов, дворов –
Величавость родного Приобья.

И вахтовки на промыслы полные мчат,
Ночи белые в месяцы свиты,
И улыбками славных сургутских девчат
Мой Сургут на весь мир знаменитый!

КРЕЩЕНИЕ В СУРГУТЕ

В течение четырех часов температура
выросла на 14 градусов с – 32° до – 18°...

Метеосводка 19 января 2001 г.

Трещал мороз, молчали воробьи,
И леденели, как стекло, рубашки,
Бежали к теплым валенкам своим
Босые православные монашки.

Темнела прорубь прямо на Оби
Крестом воды, открытой для купели,
И город мой Всевышний возлюбил,
И ангелы небесные воспели.

Тепла, благословенна Божья длань,
И небеса над миром потеплели,
А у церквей, где стыла Иордань,
Кресты на куполах помолодели.

Динь-дон, динь-дон – звенят колокола,
В купель я окунаюсь, Бог со мною...
И благодать Христова снизошла
На город мой над северной рекою.

ГРЕХ ГОРДЫНИ

Всё в руки шло молодой: секретарская блуза –
Мужа отметил ретивость всеильный монарх...
И вознеслась в облака Первой леди Союза –
Тешил гордыню заносчивый сват Сатана...

На Новодевичьем с этой Последнею леди –
Нету Союза – пришел расставанья момент:
Плакал бомонд и рыдали седые медведи,
Плакал отставленный службою муж-президент.

На Ставрополье гуляют девчата другие,
Им на Урале цветы и оградки куют...
Сколько уже схоронила подобных Россия,
Сколько красивых лелеют гордыню свою.

ДЕВУШКА И ТРУБКА

Я в школе вечерней учился,
В монтажной работал бригаде,
Серьезно однажды влюбился,
И трубку завел шутки ради.

И были мне обе не лишни,
Стройны, горячи и желанны:
Девчонка и трубка из вишни –
Мечта и печаль Дон-Жуана.

И был я тогда не рассеян,
Держал свое верное слово,
Я с трубкою был, как Есенин,
А с девушкой, как Казанова.

А девушка песни любила
И блеск мишуры обожала,
Меня по театрам водила,
И к трубке моей ревновала.

Я бросил курить: в самом деле
Зачем отравляться поэту?
И обе мне враз надоели:
И трубка и девушка эта.

А нынче: где сладкие губки?
Тоскует один Казанова,
И молвит над пеплом из трубки
Сергей свое горькое слово.

ВИТЯЗЬ

Светлый витязь воду пьет
Из реки широкой –
То дружины Ермака
Воин одинокий.

На Дону Любаша – ой,
Очи проглядела.
– Атаман, давай домой, –
С ветром долетело:

По излучине реки,
По воде небыстрой,
Проплывают казаки
Да с разбойным свистом.

Просмоленная ладья,
На корме – хоругви.
Не бояре и князья,
Братовья и други.

Две пищали наперёд,
Парус домотканый,
Запевала до высот
Разбудил урманы:

«Мы за Камень зря пришли –
Девки узкоглазы,
Здесь холодные ключи,
Недруги чумазы.

Что нам с бисером кафтан,
Яхонты-каменья,
Коли просит басурман
С нами замиренья.

Рыбой промышляют тут
Остяки, вогулы.
Пусть и наши поживут:
Васильки, Вакулы.»

...И ладья вперед бежит
По реке сибирской...
Светлый витязь

вдаль глядит
На простор российский.

НАВАЖДЕНИЕ

Сорок дней постился и молился,
Ничего скоромного не ел,
Слух, дотоле тонкий, обострился,
Взор, дотоле темный, просветлел.

Вижу среди чистых и нечистых
Я свиные рыла в сонме лиц:
Злой оскал Дантеса-брандахлыста
И других изысканных убийц.

Тех благообразно образцовых –
Эlegantней и манерней нет –
Походя тиранивших Рубцова,
Мол, откуда взялся сей поэт?

Мелкие, завистливые, злые,
Как на них перчаток напасть?
Помогай их обличать, Россия,
Нам с тобой иначе не спастись!

ПАМЯТЬ

Я икру кабачковую вскрою, и яркая память
Ощущений забытых уносит в обратный полет,
Где Васильевский остров, махнувши мостами-крылами,
Как галера петровская в гавань родную плывет.

Вспоминаются снова общага, девчата
И гитары на лестницах – юных сердец унисон,
И стипендия, и лаборанта зарплата,
И прохлада привалов зеленых карельских лесов...

Вспоминается снова Володька Степанов,
И Кравчина, и Вайке смеются над увальнем мной,
Даже Сашка Данилин в мою возвращается память,
С ним и Витька Максимов ласкает свой чубчик густой.

Все вместила она – поллитровая банка-стекляшка,
И любовь и надежду, и веру в далеких друзей...
Я икру чайной ложечкой, эх, до чего же вкусняшка!
Экспонатом беру – и в желудок – надежный музей.

ПРАЗДНИК

Ах, как звонко разносилась
Канонада над Невой,
Раскидали свет мортиры –
Фейерверк над головой.

На Фонтанке и на Мойке
С дымом множилась молва,
Что Россия не с помойки,
Что династия жива...

Гренадеры из потешных,
Видно, «давши по рублю»,
Вдоль куртин стояли пеши,
Голося «Виват царю!»

Петропавловка кричала,
Перехлестывая вой,
Что петровские начала
Обозначены войной.

А из тьмы чухонских топей
Вдоль красавицы-реки

Белые хрустели кости –
Открестились мужики.

Да оплакал штофом брата
В кабаке слепой матрос:
– Ты, река, не виновата,
То к Антихристу вопрос!

А кабатчице отрада
Краснота потухших век:
Для слепого – канонада,
А для зрячих – фейерверк!

А на Невской першпективе
И на тропках вдоль реки
Толпы зрячие кутили,
Зеленая от тоски.

Хлеба нет? – «Вина в пол-царства, –
Трубы русские горят...»
Что им польза государства
И далекие моря?

* * *

Мы зависим от ласковых слов,
От тепла милых ветреных писем,
От веселых и пасмурных снов
Мы зависим, родная, зависим

И от запаха нежных цветов,
От погожести раннего утра,
От пылающей розы ветров,
Уносящих грозу от Сургута.

И от солнечных майских лучей,
От подарков капризной погоды...
Все зависимо. В жизни моей
Ты одна независимо ходишь...

ДОЖДЬ

Как брови, тучи низко сдвинулись,
На Землю небеса накинулись,
Подул прохладною порывистый,
Взметнув подолы, сиверок.
– «Здорово, дождь, давно ли виделись?
Заплачь по женихам, те в Армии
Застряли – дембелю не срок!»

А дождь заплакал – и заохали,
А он, увы, совсем неплохо лил,
И промочил их всех до ниточки,
И все прически растрепал,
Но вот уже сложили зонтики,
Прическам сделали ремонтники,
И, гляньте-ка, опять готовые
И на работу и на бал!

КЕДР

Высокою качая головой, –
Он рядовым в зеленой страже служит –
На визг остервенелый зимней стужи
Махнет полой шинели боевой.

Он видел век, пронесшийся, как миг,
И на его глазах разъяли Землю,

С качалками в ряду стоит, не дремля,
Мой кряжистый уверенный старик.

К могучему звенящему стволу
Приникну я лицом разгоряченным:
«Прими меня поэтом и ученым,
Шершавыми губами поцелуй.

Не знавшего отцовского тепла
Согрей сукном обветренной шинели,
И расскажи, какие отшумели
Над головой холодные ветра».

Слезу смолы – янтарный горький дар
Вкушу, и от него восстану сильным,
Сочту отцовской лаской подзатыльник –
Упавшей шишки благодный удар.

ГЕОЛОГИ

Ах, экспедиции –
Горе-традиции...
Кончился наш камеральный сезон.
Партии стонами
Укомплектованы,
Слышишь, природа, ликующий звон?

– Кто на «пиропы»? –
Хожены тропы...
Кто на «вольфрам», на «титан», «молибден»?
Твой «поминальник»,
Звездный начальник,
Пусть нам зачет предстоящий момент...

Ельничек редкий,
Дремлет разведка,
Ноги измучены, эх, ё-моё!...
Зла и бессовестна
Стадия поиска:
Деньги «добыче», а нам – комарьё!

Молча потужим,
Делу послужим...
Гордо последний обманемся раз...
Все дивиденды
С карты-легенды –
Вспомнят потомки романтиков – нас!

РОССИЯ – РУСЬ...

Край березовых зим,
Тополиного лета,
И осенних осин,
Обагрённых рассветом,

Замороженных снов,
Заколдованной сини,
И соломенных солнц,
И просторов – Россия...

Я полянку найду –
Заросла земляникой...
И плашмя упаду,
И губами приникну...

В корневища уткнусь –
Здесь никто не растопчет...
Я твой малый росточек,
Залесенная Русь...

ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД

Я стремился к нему
из далеких и южных морей,
И штурвалы вращал
океанских больших кораблей,
Большегрузных составов
с добром приводил поезда,
Самолетами «ТУ»
отовсюду тянулся сюда.

Здесь на вахте я трубы крутил,
ремонтировал ГРЭС,
Мне качалки кивали
с улыбкой: «Привет, КРС!»
Устремлял я огни буровых
моих в ночь-синеву,
Укрощая фонтаны
на скважинах НГДУ.

И тоску по любимым
газил я в вине и друзьях:
Стали близкими мне Уренгой
и Сортым, и Пыть-Ях,
Но уверен я:
даже в мороз и пургу
Мою душу согреет
единственный город Сургут!

* * *

Догорает закат.
Он, как ты, кучерявый и рыжий,
Среди белых подушек больших пуховых облаков,
И глаза синевы все темнее от ночи, я вижу:
Зацепился за мачту мерцающий праздничный ковш.

Ты по Мелик-Карамова к речке пройди, отдыхая,
И на храм погляди, его маковки так горячи...
Меж югорских болот колобродит моя буровая,
Ты ее по зарубкам на сердце своем отыщи...

ВETERАНЫ

Памяти Н. М. Морозова

Зарастает память-степь бурьяном,
А на взгорках зелень ковылей...
Это нашей жизни ветераны
Шествуют по Родине своей.

Хохолки ковыльные пригладив,
Ордена и знаки пристегнув,
В мир идут в торжественном параде,
И – уходят гордо, не свернув...

В них еще живут сороковые,
Этой правды, юность, не страшись...
В тишине, пока они живые,
Расспросите их про нашу жизнь.

И они расскажут, как Салманов
Пил спиртягу с Юрием Эрвье,
Как под первым нефтяным фонтаном
Хохотали, сидя на траве...

Как горели вышки буровые,
И кронблоки рушились на них...
В тишине, пока они живые,
Расскажите им о них самих.

ПЕРВАЯ КОРОЛЕВА СНГ

Елене Саркисянц

Раскоронована – развенчана,
Но царственной своею первостью
Ты состоялась и как женщина,
И как цветок, рассветной прелестью.

И соответственная имени,
И вся взволнованно воздушная
Плывешь оторванною лилией
Среди бутонов нераспущенных.

Озерной гладью потревоженной
Взгляну в глаза – ясней не выдумать:
Как хорошо смеяться прошлому,
И будущему не завидовать!

БУРИЛЬЩИК

*Второй королеве Сургутнефтегаза
Ольге Черепановой*

Стояла непонятная погода,
Шли стаи туч над самой головой,
Мне улыбнулась, как сама природа,
Коллектор Оля с нашей буровой.

Но я рычаг сжимал рукою твердой,
И папироску смяв другой рукой,
Ей заявил решительно и гордо:
«А ну-ка марш сейчас же с буровой...»

Она ушла покорно и устало,
Но понял я – не надо мне другой,
Когда узнал, что королевой стала
Коллектор Оля с нашей буровой.

И керном ведь не зря зовется сердце,
Она его разбила на куски...
Куда теперь на выходные деться,
На дискотеку что ль пойти с тоски?..

Стояла непонятная погода,
Шли стаи туч над самой головой,
Мне улыбнулась, как сама природа,
Коллектор Оля с нашей буровой.

«НЕФТЯНАЯ КОРОЛЕВА» - 2002

*В финале конкурса, проводимом 17
марта, приняло участие 13 сотрудниц
Сургутнефтегаза*

Сургутянки мои, нефтегазовки,
Операторши, геологини! –
С геонедрами жизнью повязаны
И с озерами нефтяными.

И пускай была дюжина чертовой,
Воскресенье – прощеным,
Красою оно подчеркнуто
Вашей, нам – мужикам, посвященной.

Вы на подиум в шелесте платьемном,
Как пиратские бригадины
Под прицелы судей внимательных
Вознеслись, и застыли чинно.

И с Быстриночки или с Тяна вы
Поразили жюри одной левою.
Сургутянки мои, сургутяночки,
Моих мыслей шальных королевы!

РУСАЛКИ

В бетонном Сургуте, на Черном Мысу,
Не прячут русалки девичью красу,
Геологи нефть отыскиали, и вот,
Русалочий выводок там не живет...

Я долго искал их, заехал в Лянтор,
На Федоровку, как Амундсен, попер,
По речкам-ручьям Русскинские проплыл,
И надпись прочел на стене: Когалым.

Там вышки стоят и гудит турбобур,
И леший сказал мне – заросший помбур:
Ты зря объезжаешь район наш, ведь тут
Сестрицы мои уж давно не живут.

Ульт-Ягун, Быстринка – «Сургутнефтегаз»,
Есть много девчонок, красивых зараз,
Ищи там русалок, игривостью глаз
В прозрачную глубь увлекающих нас...

Я белый, как чайка, найму пароход,
Пускай по Оби он меня повезет,
Туда, где русалок я встречу в лесу,
На Белом Яру, на Высоком Мысу.

В траве их упругие бьются хвосты,
А груди, как горы, белы и круты.
И кружит русалочий нас хоровод
Вдоль синей Оби на янтарный восход.

ОБЬНЕФТЕГАЗГЕОЛОГИЯ

Если устану в дороге я,
Стану мудрей и добрей,
Обьнефтегазгеология,
Душу мне делом согрей!

Чтобы я долго не мучился,
Все на рассвете кляня,
Ты отвези, чем получится,
К дальней бригаде меня.

Там задышу сразу ровно я,
В мягкие носом уткнусь
Кочки Алехинской площади –
В орденоносную грудь.

Желтой брезентовой робою
Нежно укутай меня,
Обьнефтегазгеология, –
Радость и гордость моя!

ДКИТ «ГЕОЛОГ»

Складами долотьев и керна
Фасад им и тыл оформляли,
Театры и библиотеки
Нутро посвященным являли.

В буфете – ситро с бутербродом,
А в зале – журналы и книжки...
Полвека прошло. Между полок
Блуждает вихрастый мальчишка.

С Багрицким он кенара ловит,
Светловской «Гренадою» грезит, –
Да исподволь ручку готовит
Для встречи грядущих поэзий.

Себя узнаю в непоседе,
Любуюсь ушастым пронырой...
Рыдают седые медведи
Над струнами сломанной лиры.

1992 г.

УСТОИ МОРАЛИ

Черный Мыс отмечал пятилетку открытий,
Разгулялась разведки шальная братва,
А на сто мужиков только две поварихи,
Радиола, пластинки, блатная молва...

А из Обской Губы тарахтели две баржи,
И полтысячи женщин вместили они,
И легко подсчитать, сколько было на каждой,
И представить легко, только очи сомкни.

Но у каждой свое персональное дело,
Где скелеты в шкафу – не фуфло на стекле,
Веселись, если хочешь, спокойно и смело,
В Салехарде, Сургуте и Тарко-Сале...

Вот и к Черному Мысу те баржи подходят,
Дебаркадер задорным народом забит.
Всяк мужик от предчувствия ласки «на взводе»,
И себя по-мужски проявить норовит...

Женя Жаворонков – знаменитый в ту пору,
Срочно к Черному Мысу направил стрелков

Из милиции местной – «Не до разговору –
Против матриархата вовеки веков...»

Баржи взвыли, сносимые силой течения,
Но повсюду «атас» – мужики и стрелки...
И остался Сургут без любви и прощенья,
Но устои морали, о, как высоки!

ФОНТАН

...Раскурочена до чрева Земля,
Как стада лосей, ревут дизеля...

Всё смешалось на одном пяточке:
То ли пласт, а то ли мы «на крючке»,
Буровой перекорёженный стан,
В темноту до звезд плюется фонтан...

Это вырвался на волю Антей,
Нету более могучих детей!
И превенторы не держат его,
Арматура вся узлом – ого-го!

Ладим к устью новый кран – запасной,
Долго, трудно... но фонтан, как ручной...
Нам по рации кричат: «Молодцы!»,
А пожарники мотают «концы».

СТАРЫЙ БУРОВИК

Растревожены ноги и зубы –
Отходили своё, отстучали,
И ночами бурильные трубы
Поколонно блистают свечами...

И звенят, упираясь в подсвечник,
И змеятся от устья до блока,
И торжественный гул подвенечный
Прерывает раздумья до срока...

Элеватор надежным затвором
Хлоп да хлоп, как бессонная дверца,
А вздыхающий шум Конитлора
Подгоняет уставшее сердце...

ПОДЪЁМ КОЛОННЫ

Очередная ухнула свеча,
Надрывно кашлянул седой подсвечник,
А дизеля довольные урчат –
Им с каждой «трубкой» дышится полегче.

Звнящая мелодия свечей
Рождает сокровенные картины:
Восторженность раскованных речей
В тепле необустроенной квартиры...

Плывет наверх колонна не спеша,
Омытая пластовой минералкой,
Как будто ты из душа хороша
Ко мне выходишь, чистой и яркой.

ДЕНЬ НЕФТЯНИКА

Мы приходим к урочному дню,
Как в урочища сходят лавины,
Поседевши на самом корню,
Но душою всегда молодыми.

Мы приходим к урочному дню,
Как олени с далекого Тяна,
Как гуляки с шестой авеню,
Одуревшие от ресторана.

Никому ничего не должны,
И зарплата идет без задержки,
И для нашей уставшей страны
Мы – последний оплот и надежда.

Нам не надо крутых перемен,
Мы своею работой довольны...
Четким пульсом стучат ЭЦН,
Как сердца наших недр беспокойных...

ВЫШКОМОНТАЖНИК

Будто символы веры
Через гати болот
Буровые – галеры –
Я на Пим приволок.

И звенели расчалки,
И гудела тайга,
В порыжелой кухлянке
Отступали снега.

Ягель в тундре жевали –
Выживанья «ликбез»,
И песцы прибежали,
Чтоб остатки доесть.

Тяжело им с устатка,
Исхудали они...
У прораба тетрадка
Наши песни хранит...

ТЕРРА-ПЕВТЫ

Снова год урожайный суля,
Выпрямляется хвоя у кедра,
Нас другие дела веселят,
Мы снимаем давление в недрах,
Мы – твои терра-певты, Земля!

Бурим скважины-вены в пласты,
Застоялую кровь отворяем,
Наши помыслы в корне чисты, –
Мы для Родины нефть добываем, –
Мы истории пишем листы!

Мы в работе своей короли,
И наследные принцы примерны:
Чу, вы слышите? В недрах Земли
Зажурчали движки ЭЦНов –
Это гул продолженья любви!

ПЕРЕВАХТОВКА

Ревут, будто стадо слонов, дизеля,
Рыдает в забое стальной турбобур,
Друзья их мученья сознательно делят,
А я свои новые туфли обул.

И летний костюм вместо рубы надел,
И в сумку забросивши томик стихов,
Прощаюсь, забывши галерный удел
На сотню свободных, как песня, часов.

Тугих облаков тороплю паруса:
Несите по синему небу вперед,
Туда, где Ассоль проглядела глаза, –
Меня, будто принца, взволнованно ждет.

БУРОВИКИ

(Отрывок из поэмы)

1

Расскажу вам, друзья, не скрывая,
Что у нас ДГУ-буровая,
Дизеля, А-образная вышка,
И парней молодых двадцать с лишком.

Я – помбур. Это должность такая,
Я по вышке, как белка скакаю,
Иль как Фигаро, коль Альмавива,
Наш бурильщик по прозвищу «Слива».

Он лебедкой колонну «майнает»,
И шутя буровой управляет.
Повариха Анюта – Розина,
Без ума от него: «...вот мужчина!».

Мне же нравится Таня-коллектор,
Не девчонка – из «Знания» лектор.
Керн опишет, уложит, проверит,
И раствор, если надо замерит.

И красивая – брови соболями,
Всё, что надо, при ней, и поболе...
Вот вчера из-за столбика керна
Все с ума посходили, наверно.

Обругали из ЦИТС Альмавиву:
«Ты, что ль пласт проскочил, в рот те Слива?
Щас, давайте, снаряд подымайте,
А взамен грунтоноску спускайте...»

ЦИТСу Слива в ответ замечает:
«Кернорвателя нам не хватает,

Отправляйте вахтовкой скорее...
Я пошел «на подъем», но жалею:

Долото ведь прошло сорок метров,
Их за час проскочили, как с ветром,
А оно еще двести пробурит...» –
Так он в трубку кричит им «в натуре».

Мы на Тяновском бурим «разведку»
(Только вы не пишите в газетку),
И помучились мы, вы поверьте,
СПО ведь придумали черти:

Мы с Петрухою «свечи» крутили
В ужасающем ритме и стиле,
А Петруха-то парень красивый
И помощник второй Альмавивы.

Я, конечно же, первый помощник,
И умел и умён, да и мощен...
Инженер же наш главный, Куценко,
Из рабочих на двести процентов.

И начальник – Серёга Ананьев
Завсегда с работягами – с нами,
В разговорах своих он простецкий –
Потому – свой мужик – буровецкий!

2

В общем «Недра» мы сами спустили,
И сменились, другие бурили,
Через восемь опять – наша смена,
Нам и керн поднимать, непременно...

Танька ящик для керна готовит,
Морщит нос, хмурит рыжие брови.

Я гляжу на неё, улыбаясь:
«Вот, пичуга, гляди, расстаралась...»

Представляете, точно Сюзанна –
Обожаема мной и желанна,
Жаль, она меня не замечает, –
Ей Петруха вовсю помогает.

А меня этот Граф Альмавива
Заставляет «прибрать всё красиво...»:
Подтереть АКБ, смазать клинья,
Мол, нефтяники мы, а не свиньи...

И снаряд раскрутили мы – «Недра»,
Чуть потолще он среднего кедра,
Из него грунтоноску подняли,
Полчаса ещё керн выбивали.

Альмавива ворчит на Танюшку:
«Ты, смотри, уложи-ка получше...»
А Татьяна в ответ всё смеётся:
«Снова с «Недрами» слазить придется...»

Альмавива ругается тихо:
«Так-протак, станешь ты поварихой...»
Но сказала Танюша-«Сюзанна»:
«Будьте спок, всё пока что по плану.

Керн подняли вы с запахом нефти,
И с пластом всё о-кей, вы поверьте...»
Заменили снаряд,
долотом – бурголовку,

И пошли на забой, трубы – наизготовку...
Вот спустились. Конец.
Все готовы.
Моем руки, идем до столовой...

РЕЧКИ

Тихие речки России печальной моей,
Что вам огромные волны далеких морей?
Вам заменяет русалок ночной хоровод
Крупные брызги штормами вздымаемых вод.

Лилий цветущих белы и туги паруса,
Яхонты блещут – кувшинок рассветных роса.
Омуты тянут нырнуть – их таинственна тьма,
Плеса просторные сводят мальчишек с ума.

БЕРЕЗОНЬКА

Юная березонька
Меж подруг растет,
Берестою тоненька
Розово цветет.

Соком наливается
Молодая стать.
Вырастай, красавица,
Ветру не сломать!

Не рубите, соколы,
Просеки в лесу,
Не губите робкую
Девичью красу.

Упадет красавица,
Всхлипнет мох лесной,
И не будет радости
В песне ни одной.

Осень – улада дней,
Щедрой земли прощанье,
Клиньями журавлей
Очи ее печальны.

Машут друзья вослед,
Плачут – «курлы»-качалки,
Вдаль от обид и бед
Птицы на юг умчали.

Утро мое, прощай!
Вслед журавлиной стае
Рвусь в оголтелый край,
Сердце зиме оставив.

ЛЕДОХОД

...Проснулась Обь... Фарватером реки
Скользят на север льдины облаками
По серой ряби волн, как от тоски
Девчонки за хмельными мужиками...

Народ в порту взволнованно шумит,
Свои заботы в море провожая,
И строг природы возрожденный вид,
И дышит речка, быстро оживая.

На дальнем берегу рябее лес –
Прокуренными строжится усами...
И уплывают беды в синь небес –
Примерзшие ко льду, как чьи-то сани...

РУСЬ

Живица янтарного слова
Стекает в напевную грусть...
Сосново-кедровая Русь
Пути не приемлет иного.

Нектаром прозрачно-смолистым
И песнею полнится грудь...
От скверны гуляку очисти,
Сосново-кедровая Русь!

В твою закрученную хвою,
Как в мамины руки уткнусь,
Слезой пречистой омою
Сосново-кедровую Русь.

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК

Я осваивал новые улицы
В городах и поселках отстроенных,
Словно Шлиман над ними сутулился,
Над моими воскресшими Троями...

И деревьями скверы засаживал,
Под газоны тропу перекапывал,
И кострищ плодородною сажеею
Дополнял солонцовую рапу я.

И тянула меня перемытая,
Штормовыми ветрами просолена,
Даль и странствий печаль неизбитая,
Ко скитаниям тяга бессонная.

Вновь надена тельняшечку рваную
И, поскольку душе моря хочется,
Пусть сургутская Мелик-Карамова
Надо мной парусами всполощется...

РАССВЕТ В ПУТИ

Еще восток зарю лелеет,
А неба край уже светлеет,
И сел далеких огоньки –
То звезд упавших угольки.

Там витязи живут полночных
Окраин, тьмой непревозмочных.
Светлы владенья – нет концов
Лучистым терниям венцов.

Вдали по кромке небосклона
Гарь факелов, но плат зеленый
Кедровых северных лесов
Хранят созвездья Гончих Псов,

Обложенные факелами,
Как волки красными флажками...
А я на помощь к ним иду,
Лаская павшую звезду.

ПРОТОТИП

Он был ханом – Бардак,
На югорской земле знаменитым,
И селькупы дрожали –
Ясачные Пегой Орды,
Но поверил однажды
Пришедшим за Камень служивым –
Конкистадорам русским –
Носителям царской узды.

Он подумал: пустяк –
Эта рухлядь. В лесах и болотах
Комары их сожрут
И сибирский стремительный гнус,
Но ошибся чужак –
Не дождался судьбы поворота –
Не оставил Сибири
Закованный в латы «урус».

А у хана везде беспорядок,
И тьму карауля,
Пальцы жирные хан
Вытирал о халата полу,
Рвал зубами седло
У зажаренной дикой косули,
Возлежал на ковре –
На заплеванном грязном полу.

И смиренно сносил
Отбирающим смело и ловко
Соболей и лисиц,
И детей в счет долгов за ясак...
И осталась на память
О грешном река Бардаковка,
Да синоним у власти в России –
Извечный бардак.

* * *

Гордый князь,
Наклонясь
 над обрывом,
Золочёным сияет шеломом,
И рассветные кони игриво
Гривы стелют
 с ответным поклоном.

И задумчивы вязи
 у князя
В обращение к Обишке-княгине –
Пеший отрок проворного язя
Отсылает к печальной доныне.

И дружину он ждет из Обдорска,
Наказать не исполнивших долга...
И Сургутом зовёт его войско,
И суровым пребудет он долго...

* * *

Унесут
Облака бесконечные ливни,
Прилечу,
Темной ночью погромче окликни.
Белокрылой
Свободолюбивою чайкой
Поклонюсь
Красоте твоей необычайной.

Ах, Сургут,
У меня нет надежней причала,
Твой привет
Мне речная волна прокричала,

И любимая
Машет навстречу косынкой,
И сверкает
Улыбка рассветной росинкой.

Над рекой,
Меж домов золоченые храмы
Смотрят
В белую ночь площадей панорамы.
И мосты
К северам протянулись упрямо,
И меня
Ожидает усталая мама.

* * *

От Сургута до Ханты-Мансийска
«Метеор» очарованный мчит,
И в окно лобовое искристо
Изумрудное солнце летит.

С темноспинными рыбами спорят,
Крылья судна в прозрачной воде,
А прибрежные тальники вторят
Учащенной поршней чехарде.

Дебаркадер волною качает,
Брызжет радугой водная дробь,
И взволнованно Миснэ* взирает
На Иртыш, догоняющий Обь.

* Миснэ (хант.) – лесная фея.

Источник вдохновения – Югра,
Сюжетов – на роман,
Добра – неизмеримо,
И прирастает больше, чем вчера,
Пуантами стуча,
Как прима-балерина.

Источник вдохновения – Югра,
Природным кладовым
Центральный вход открой-ка,
Не пожалей нам злата-серебра,
И вознесись загадочною тройкой.

И тянет всех к себе Ханты-Мансийск:
Седую профессуру из окраин,
Торговцев ловких,
Даже буровик, –
не гость, а привередливый хозяин.

Прошу и впредь
Не экономь добра,
Будь щедрой к творчеству
Поэтов и вагантов...
Источник вдохновения – Югра –
Надежда всей страны
И оселок талантов...

ПОСЕЛОК ПИОНЕРСКИЙ СОВЕТСКОГО РАЙОНА

Автомобиль – не роскошь,
Промчится без разгона,
Одолевая разом
Распутицу и грязь...
Поселок Пионерский
Советского района
Проехали мы бодро,
На Запад торопясь.

Проехали, забыли,
Но вспомнили недавно,
Как в мае барабаном
Дружин равняли крой, –
В ближайшем перелеске,
Зеленом разнотравно,
Мы гордых третьеклашек
В свой принимали строй.

Костер пылал недолго,
Но ярким и высоким
Был треугольный пламень,
Как галстук на груди,
И высыхали росы
На спорыше-осоке,
И было ясным небо
И всё, что впереди...

Я не ищу ответа,
Я это знаю твердо,
Что пламя душ превыше
Количества монет...

Поселок Пионерский
Советского района
Не зря в Югре зеленой
Окрашен в алый цвет!

Я б дальше не поехал,
Остался тут надолго –
В эпохе жизни прошлой,
Где в будущее – свет,
В поселке Пионерском
Советского района –
А в мире капитала
Прямой дороги нет...

МУЗЫ

Каролина Собаньска,
Эвелина Ганская,
Журавлева Надежда –
Ваша кровь горяча...
Вас любили поэты,
Ваши взгляды искали
Званий всех кавалеры
От «банта» до «меча»...

И звенели бокалы
И медали, и шпоры,
И шампанское било
Фонтанами вверх...
И скрывали влюбленных
Тяжелые шторы,
А портьеры глушили
Взволнованный смех...

И воспели красавиц
И Мицкевич и Пушкин,
И женился на Эве
Оноре де Бальзак...
Но прелестнице Наде
Всё по нраву игрушки...
И поэтам в Сургуте
Не фартит всё никак...

МИДХАТ ЗАРИПОВ*

Прикушу мундштук у папиросы,
В бред поверю или в чудеса...
Что роднит буровика с матросом:
Трубы, мачты или паруса?

В небеса плюющие фонтаны,
Как прибой у незнакомых скал,
Вахтенные наши капитаны,
Вслед кивают, сжав рукой штурвал.

Субмариной долото стальное
В устье проскользнет – ловите миг! –
Приглушенно всхлипнет на забое
Турбобура мощный маховик.

И насосы – дружные ребята
Свой запев подхватят в тот же миг,
Капитана нашего Мидхата
Будут звать: «Зарип, Зарип, Зарип!»

* Зам. директора СургутНИПИнефть.

ЭПИТАФИЯ ПЕТРУ

П. А. Суханову

Он мчался танком напролом
И так или не так,
Он всем врагам казался злом:
Сомнет, ведь это танк!

По бездорожью напрямик,
А следом – коридор...
И был его ужасен лик,
И был печален взор.

Но вот увяз в болоте он,
И кончился бензин,
И сиротливо батальон
Стопнулся перед ним.

«Вставайте, Пётр!», но он поник,
Усталый до конца...
И стал благообразен лик
Заядлого бойца.

Шофер, поэт и атаман, –
Не счесть, не зачеркнуть...
Поземкой русская зима
Его укрыла путь...

* * *

Властей избегнув критику и почести,
Уйдя с прицелов духопорнографии,
Поэты умирают в одиночестве,
Не дописавши автоэпитафии,

Не долюбивши жизнь до выключателя,
Не докричавши лозунга до выстрела.
Прогрессу всякому, ура! – деепричастные,
Чужды регрессу и канонам выпреним.

Они поют, а не мамоне молятся,
Псалмы сродни Священному писанию...
Их почитают, только упокоются,
Для них гробы, как рамки расписания...

Им отдадут таённые прижизненно,
Чтоб не гордились, знаки восхищения,
Награды, как фортуна, – вещь капризная:
Таков итог – апофеоз прощения.

Их вознесут – планета это видела, –
На площадях, на марках, – спешно, суетно...
Поэт молчащий – нет прекрасней идола
Для всех властей – от Цезаря до Путина.

* * *

Он не думал, он не чаял,
Он не ждал,
В лихорадке накопленья
Не дрожал,
Вдоль России шел
Уверенной стопой,
Одиноким был,
Непонятым толпой.

Но погиб Поэт,
И всколыхнулась рать,
И давай его любить и признавать...
Те, которых и не знал он никогда,
Возопили: «Гений умер, вот беда!

Мы – друзья, меня Серегою он звал,
И за водкою в «шалманы» посылал,
И по морде пару раз мне надавал!...»
– А меня он в педантизме упрекал
И полтысячи на водку занимал!..

Встал Поэт, отринув прах земных оков,
Разбежались легионы чудаков:
Шепотком сплетая паутины нить:
«Гляньте, снова начал наш Поэт кутить!...»

ШГН

(Штанговый глубинный насос)

«Шаганэ, ты моя Шаганэ...» –
Так Поэт вас воспел задушевно,
Вам не надо иных украшений,
Чем сиянье при полной луне,
Шэгэнэ, вы мои Шэгэнэ!

Шэгэнэ, вы мои Шэгэнэ!
Из разверзнутой недровой дали
Вы мне имя любимой шептали
Пузырьками в игристом вине...
Шэгэнэ, вы мои Шэгэнэ!

Шэгэнэ, вы мои Шэгэнэ!
С плунжерами особенной стали,
Клапанами размер отстучали,
Как Сергею в Бакинском окне,
Шэгэнэ, вы мои Шэгэнэ!

*В КДЦ «Старый Сургут» открыта экспозиция
«Архив исправника Г. А. Пирожникова»*

Ах, исправник,
Уже ничего не исправить,
Быт размеренный нам не вернуть,
И неважно, кто будет губернией править,
Важно правильно выбранный путь!

К деревянным домам тянет сердце вернуться,
Ведь бетон и стекло не для русской души...
Мы сгорели в огне мировых революций,
Ты своих погорельцев ругать не спеши.

Не они виноваты – энергоноситель
Под Сургутом на тысячах метров лежит,
И горят факела, их, исправник, тушите,
А дома восстановим, чтобы жить – не тужить!

Слышен шепот дождя в желобах и по крыше,
Самоварным дымком задышала земля,
Жаль одно: соловьев под окном не услышим,
Распугали пичуг нефтяных буровых дизеля.

2001 г.

ЧЕТВЕРТЬВЕКОВОЙ ЮБИЛЕЙ

Четверть века прошло,
Проползло,
 пролетело,
 промчалось,
И другая страна,

И другие кругом имена...
Помнят кедры одни,
Как всё это вот тут начиналось,
Как «Сургутнефтегазу»
Светло улыбнулась весна...

Прилетели грачи,
И называли грядущее НИСом,
Изучали параметры
Скважин и темпов лихих...
Кто работал тогда,
Кто в балках замерзал
Вместе с ними?
Кто сжимал рычаги
И долота станков буровых?

Кто мороз побеждал?
К ветеранам седым обращаюсь:
Расскажите скорей,
Чей в болотине трактор увяз?
Как стонала тайга,
От зимы вековой пробуждаясь?
Расскажите о тех, кто лежит,
И немного о вас.

Помнят нас нынче в нормах,
Дипломах и спорте,
С уважением встречают
На скважинах и буровых...
Знать не зря мы прошли,
И об этом, конечно, не спорьте,
25 твердых вех –
Девять тысяч особенных дней!

А птенцы подросли,
Вместе с нами выходят на вахту,
И с насосами ловко
Справляются – гордая статья.
Я люблюсь на них:
25 пролетело, не ахнув,
Вот еще б 25 –
И чего еще надо желать?!

ЛАЙКА

Собралась вахта улетать на ТУ,
Изнемогают с рюкзаками стоя...
Вот чья-то лайка в аэропорту,
Заметная собачьей красотою.

Я позову её...
В который раз
Пестрит неторопливо, без опаски:
По-человечьи опечален глаз, –
Скучает, видно, по хозяйской ласке...

О, экстерьер пушистый,
Что за путь?
Такой бы в лес, а не по закоулкам!
Забудь его, предателя, забудь!
Но сердце не считается с рассудком!

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Кобзарь,
Под звуки твоей кобзы
Хохлушки танцевали, москали...
От музыки добрел печальный образ
Единой русской праведной земли...

Тарас Григорьевич,
Ты, верно, убедился:
Волны Оби совсем как у Днепра,
И чистая прозрачная водица
К восходу будто вся из серебра.

Вокруг Марички, Ганки да Наталки,
И парубки – Вакулы-кузнецы...
А ярмарки пышнее чем в Диканьке,
А вместо хат высоты да дворцы...

Но кобзарей с поводьями нету,
Артисты всё заезжие поют,
Власть капитала не призвать к ответу,
Поэт в Югре не более, чем шут...

АРБУЗЫ

Несли две женщины арбуз,
Я – вслед за ними, словно туз,
Не козырной, а так себе,
Была бы муза...
Молодки обе хороши –
Блондинки для моей души,
У каждой кофточка вперед
На два арбуза.

Я попытался не отстать,
Арбузы все пересчитать,
Не получилось ничего,
Простите, братцы!
Но я повесил на окно
Кустодиево полотно,
Чтобы на нём моим глазам
Тренироваться.

Несут молодушки арбуз,
Но я за ними не тащусь,
И ничего у них теперь
Я не считаю.
Смотрю на них, как на трюмо,
Торчу, как палка в эскимо,
И, как мороженое,
Потихоньку таю.

ПЛАТЬЕ

Под ропот блестящего платья
Свои мы сомкнули объятья,
Оно, как соперник, мешало –
Вздыхало, скрипело, шуршало.

Кусая на ушке сережку,
Рукою нашел я застёжку,
Рванул, как кольцо от запала,
И платье волною опало.

Любили друг друга мы долго,
Отдавши все капельки долга,
В расшатанной узкой кровати
Ты вспомнила утром о платье.

Оно бездыханно лежало
И выточками не дрожало,
Застёжка была, как растяжка,
А рядом допитая фляжка.

Теперь мы встречаемся реже,
О долге понятия те же.
Но, если взгрустнётся невольно,
То платье ворчит недовольно.

ОЛЬГИН ПРАЗДНИК

По-славянски, знаем все, праздник – это «свято»,
А в апреле нам любой праздник ко двору:
Как чертовски хороши по весне девчата,
Те, которые к тому ж учат детвору.

Те, которые разрез без труда построят,
Хочешь – постиранью вкрест, а не хочешь – вдоль...
И пускай не назовут наши ханты Троей,
Нам сургутская весна – щедрая юдоль.

И пускай любовь к Земле – невозможно круто,
А геолога судьба – пей, не пропадешь...
Были в жизни и у нас важные минуты,
Пропустили – и теперь снова не найдешь...

Будем Олю обнимать по-мужски умело,
Будем жарко целовать, да за каждый год,
И не будем вычитать то, что пролетело,
Будем радостно желать счастья наперёд.

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ ПАВЛУ

Благостен сын Михаила Сорокина Павел,
Благостны все домочадцы и дети его,
Он мускулистой рукой своей кафедрой правил,
Он возглавляет сегодня РЦДПО.

Пусть прирастают владения Павла трудами:
Перечни, списки, отчеты и справочники,
Путь усыпается звездами и лепестками
Роз без шипов, и утишатся ученики...

Пусть усвоение знания будет прилежно,
Будут процессы познания глубинно легки,
Пусть улыбаются дамы призывно и нежно,
А отношения с начальством – честны и мягки...

* * *

Крылами гипюровой блузки
Отринь все заботы, как стриж,
Зачем ты поёшь по-французски, –
Роднее мне Минск, чем Париж.

На мове пою белорусской,
Красоток белявых люблю,
По-братски, по-свойски, по-русски
Единство народов креплю.

На кой мне грехи Лукашенко?
Грехи Саркози мне на кой?
Ты мне, заведясь, оглашенно
Про милого Яся пропой.

УБОРКА УРОЖАЯ

Были у мерина мысли светлы –
Мерин на завтрак нажрался свеклы.

Красною стала к обеду моча –
Ходит он, еле телегу влача.

А за возницу выкриков шквал:
«Что же ты, Коля, конягу загнал?

Кровью он мочится, ну-ка, гляди,
Штраф за него у тебя впереди...»

Тот от стыдобушки красен, как рак,
Ведать-не ведает он про бурак.

Мимо я ехал, на ухо шепнул:
«Коля, твой мерин свеклы жеванул...»

Девки с Миколы уржались до слез...
Долго мы помнили этот колхоз.

РАССКАЗ ПРОФЕССОРА О СТУДЕНТКЕ

...У меня с подругой её мамы
Был такой немислимый роман,
Что в перипетиях этой драмы
Закипел бы Тихий океан.

Распустились алые цветочки...
Но подруга ветрена была
И отца несчастной этой дочки
Из семьи жестоко увела.

Дайте мне паленой самогонки,
Отравлю себя и пол-села:
Та подруга моего ребенка
Из своей утробы извела...

В общем, я дошел почти до точки,
Вот чуть-чуть и будут мне кранты:
Я в лице чужой подростковой дочки
Добрые, свои ишу черты.

НОВЫЙ ГОД

Когда на улице за тридцать,
А на душе плюс сорок пять,
Желанье петь и веселиться
В себе не надо подавлять.

Берем петарды и шутихи,
Бежим веселые во двор,
Летят и всполохи и вспыхи
В межзвездие во весь опор.

Нет радости конца и края,
Я веселюсь, как никогда,
Всех с Новым годом поздравляю
И с новым счастьем навсегда!!!

* * *

Жизнь без неё, будто кофе без сахара,
Перечно-кисло горчит,
Незабываемо Аня Астахова
В памяти гордо молчит.

Если ко мне она вдруг обращается,
Падают ручки из рук.
Сердце к реальности не возвращается,
Где оно, милый мой друг?

Рядом она, соименница одного,
Гордо проходит: цок-цок,
И у меня, к междометиям склонного,
Судоргой сводит висок...

* * *

Подгадала, как джокера в карте...
Чей здесь промысел, чья это власть?
Но девятого в месяце марте
Наша Ира на свет родилась...

Посмотрите, почти нету разницы:
Восемь-девять – все цифры гурьбой...
Ира! Ты – продолжение праздника!
Мы тебя поздравляем «с тобой»!

Путь дальнейший твой пусть будет радостным
И успешным, и ярким притом,
Каждый вздох будет истинно сладостным,
И гордится тобою Антон!!!

* * *

Царит на улице морозная погода,
И не заводится авто, ну хоть вылазь...
Зато веселье у Ешимовского рода:
Сегодня ты – Надежда наша – родилась!

Ты так прекрасна, словно юная снежинка,
Ты вся порхаешь, вся сияешь изнутри...
В твоих детишках фамильная пружинка
Уже работает, внимательней смотри!

В тебе самой царят истоки всех энергий,
Ты светишь нам, как путеводная звезда,
И без излишних падежей и суеверий,
Идешь по жизни энергичная всегда.

КОНЁК-ГОРБУНОК-2

Сказка

Это всё случилось с нами,
И нюансы в нашей драме
Мы стремились изложить,
Чтоб понятней было жить.
В год «ушастика» мы снова
О коньке замолвим слово,
Он ведь с нами, наш конёк,
Наш тобольский Горбунок.

I

За горами, за лесами,
За широкими морями,
В стольном городе своём
Стал Иванушка царём.
Нежится, стал быть, с царицей,
Бывшей прежде царь-девицей,
А в конюшне мил дружок
Пляшет верный Горбунок.

А ночами над столицей
Реют яркие жар-птицы,
Все до утренней поры
Прилетают до сестры, —
Ту Иван во клетке держит,
Холит, кормит, поит, нежит, —
Этому весь город рад, —
Все выходят на парад.

Фейерверки над домами:
Как летящими кострами
Весь усыпан небосвод,
Выходи гулять, народ!

Бабы, девки, горожане,
Все гуляют меж дворцами,
И за птицами глядят,
И перо найти хотят.

Думают, с того начала
Счастье Ванечке примчало,
Будто им с того пера
Будет чудная пора.
А того им не блазнится,
Что для счастья потрудиться
Надо телом и умом,
Да ещё бы кто помог...

Брат Гаврила,
Брат Данила
Выше всех задрали рыла,
И в боярственных чинах
В Думе царской сеют страх:
«Мы, мол, думные бояре, –
Сродственники государю,
И, как братья, на дому
Подчиняемся ему».

Долго ль, коротко проходят
Времена в душевной сгоде,
Ублажая царский сан,
Тешится с женой Иван.
Нарожала царь-девица
Пятерых в своей светлице, –
Пять погодков-сыновей –
Внуков бабушки своей.

Круглолицы, темнобровы,
Словно бабушка, суровы,
Будто дядька, горячи,
И быстры, как те лучи.

Днем им солнце ярко светит,
Золотом макушки метит,
Ночью бабушка-луна
Навевает сказки сна.

И царевичи молодые,
Солнечники золотые,
Дети неба и земли,
Очень быстро подросли.
Государством управляя
В них Иван души не чаял, —
Поощрял их детский пыл...
Горбунок им нянькой был.

Домострою царь послушен:
Старший сын был зван Петрушей,
Сын второй был Гавриил,
Средний — воин — Михаил.
Сын четвертый зван Егоркой,
А послед, стал быть, Миколкой.
Пятерик был резв да мил, —
Ангел каждого хранил.

Больше всех любили дети
Лес и пасмурные клетки,
Да конюшню, где Конёк
Жил весёлый Горбунок.
Разом все на нём катались,
За уши его держались,
А Миколка — тот за хвост, —
И на пузе следом полз...

Так Ершовых род продлился,
И при этом породнился
С солнцем, месяцем, зарей —
Всё с царицойной родней.

Те нисколько не ряздились, –
Во внучатах воплотились:
В каждом бровь, улыбка, взгляд
О небесном говорят.

Ну, а что дядья: Гаврила
И середнячок Данила?
Брату младшему оне
Уж завидуют вдвойне.
Грех тяжелый эта зависть.
Кто не испытал, прославясь,
Тяжесть эту на себе,
Жизнь расходуя в борьбе

Со злодеями иными,
Как со братьями родными.
Жить светло, но всё же знать,
Что в ночи таится тать,
Что таит он злые мысли,
Негодующий завистник, –
Призываючи к войне,
В очи льстит наедине...

Стали братья те Ивана
Упрекать за все изьяна,
Что он стал далёк родне,
Подчиняючись жене...
Что пшеницу легче сеять,
Чем законы в Думе веять,
И в родительский бы дом
Возвратиться им притом.

– Чем же худо вам в столице?
Удалось ведь поджениться
На боярских дочерях,
Разнеси вас в пух и прах...

– Мы те скажем так, Ванюша,
Бабы сельские получше:
Что косить, и что полоть,
Даже языком молоть...

По хозяйству работящи,
И в постели не ледащи,
А как песни запоют,
Соловьи в округе мрут.
А столичные красотки –
Никудышные молодки.
Ни попеть, ни поплясать,
Лишь до полудня поспать.

– Стоило тогда жениться,
Кинете их, што ль, в столице?
– А куда их тама деств?
– Остаются бабы здесь!
А мы там займёмся делом,
Деревенским знать уделом.
Так и так-то, царь и брат,
Отпусти ты нас назад.

А сюда по воскресенью,
Безо всякого сумленью,
Обещаем наезжать,
Чтобы жёнок ублажать,
Вести есть: поля засохли,
Животины чуть не сдохли,
Надо землю выручать,
Сеять и пахать и жать.

– Коль неумоготу, езжайте,
Да семей не забывайте...
Я, пусть будет стыдно вам,
Справлюсь потихоньку сам

С навалившимся, слышь, царством, –
С нашим русским государством,
Знаю, выручит Конёк,
Да и сам я – не пенёк.

Братья Ване поклонились,
Да на храм перекрестились,
Скинув шапки с глав долой,
И отправились домой.
Оседлав коней горячих,
Избежав большого плача,
Часу даже не прошло
Воротились в село.

Там, собрав народ на сходку,
Объявили им наводку:
Мол, в деревне будут жить,
И с хрестьянами дружить.
Для того им без изьяна
По дворцу, как у Ивана,
Выстроить мирянам след
Через месяц на обед.

Мужики погломонили
И вердикт свой огласили:
Что же делать? Для дружка
И сережку из ушка.
Надо только бы прикинуть,
Сколько леса надо сдвинуть,
Сколько бревен притартать,
Сколько плотников иметь.

Братья им сказали: «Нешта,
Цену мы зажулим грешна?
Мы за ей не постоим,
Сколько надо, столь дадим!»

И мужицкий курултай
Так сказал им: «Ну, давай,
Обеспечьте добрый лес,
Где деревья до небес,

Да камня на фундамент,
Чтобы крепкий был постамент,
Пилы чтоб и топоры
Завсегда были остры,
Чтобы щи в котлах кипели,
Чтобы девки рядом пели,
Да для каждого топора
Три-пять шапок серебра.

В завершение – не цветочки,
А вина по доброй бочке:
Чтобы слышал целый мир,
Про мужицкий добрый пир...»
Братья долго не рядились,
С мужиками согласились,
Те вскричали: «По рукам!»,
И пустились по домам,

Подготовить чтоб телеги
Для работы и ночлеги,
Да выносливых коней,
Да канатов и ремней,
Топоры да рукавицы,
Да рубахи-исподницы,
В общем, мало ли чего? –
Не упомнишь ведь всего...

II

Долго ль, коротко ли дело
В общей стройке пролетело,
Встали рядом два дворца,
Как два брата-молодца...

– Жаль, что далеко Ванюша, –
Говорит старшой – Гаврюша, –
Посмотрели б на него,
Посмеялись – «Ого-го!»

А давай ему, Данила,
Флигелёк отстроим с тыла,
Схочет, сам бы приезжал,
Иль племяшей присылал,
Отдыхать от царь-девицы
В нашей маленькой светлице,
И водицею родной
Умывался бы с зарей.

Поразмыслили – решили,
Теремок соорудили,
А чтоб чистая вода,
Остужала пыл всегда,
Чуть пониже, у болотца
Неглубоких два колодца
Повелели прокопать,
Воду ключеву черпать.

Мужики три дня копают,
Воду рыжую черпают,
Чтобы чистую качать,
Глубже велено копать...
Над Землей туман клубился,
В небе месяц серебрился,
И заметили тогда,
Стала черною вода.

Чтобы не было изъяну,
Братья шлют гонца Ивану:
«На твоей-де, царь, земли
Масло черное нашли.

Чтоб запас его изведать,
Надо всё вокруг разведать,
Да примерить разов пять,
Что б нам с этого имать?

Нам такое, брат, блазнится,
Что перо другой жар-птицы
Нам открылося зарей,
Где колодец рылся твой.
Потолкуй об том с Конёчком,
Со смышленным Горбунёчком:
Как же нам теперя быть,
Чтоб жар-птицу изловить?

Услыхал конёк задачу,
Что поставили впридачу
Со известием братья:
«Се задача – не моя.
Рыть им дальше след-не след,
Не могу я дать совет.
Лишь одно мне ясно тут:
Масло – стоящий продукт,

Надо только лишь решиться,
Как добром распорядиться,
Правильно и во сто крат
Приумножить ценный клад.
– Ладно, подскажу вам, братцы,
Как за дело лучше браться:
Чтоб продукт ясней узнать,
Надо в аппарат прогнать!»

Чтоб не тратиться на водку –
Царской милости наводку,
Не искать в бутылках дна
Дорогущего вина,

Был тогда в сельской общине
Спрятан в зарослях лещины
И по очереди брат
Самогонный аппарат.

Братья масло земляное –
Черно-рыжее такое
Зачерпнули бурдюком,
В аппарат тот прямиком
По совету Горбунёчка
Всё залили, точка в точку,
И глазеют: без прикрас,
Что там выйдет на сей раз?

Поначалу шла прозрачна
Жидкость огненноопасна:
Только свечку поднеси,
Пыхнет: Боже, упаси!
А потом пошла другая
Жидкость, желтая такая,
Но горела ровно, чинно,
Как березова лучина.

А в поддоне аппарата
Накопилось обрата,
Вязкого, ну, как смола,
Не отскоблишь добела.
Братья всё это собрали,
В бутылки позаливали,
Запечатали чуть свет,
И к Ивану – на совет.

С образцами на конюшню
Поспешил тотчас Ванюша,
Оглядел их всех Конёк
И такую речь изрёк:

«Своего дождалось часа
Это земляное масло,
Что в Германию, знать изволь,
Называется «эрдойль»,

Ну, а в Персии – «нафата»,
И дороже будет злата,
Потому что каждый час
Будет пополнять запас.
Вот, гляди, Иван, прозрачна
Жидкость огненноопасна:
Только свечку поднеси,
Пыхнет: Боже, упаси!

Назовут её бензином,
Самобеглые машины
Будут ею заправлять,
Чтобы ездить да гулять...
А потом стандарты евро
Будут портить людям нервы,
Чтобы выхлоп чистым был
И здоровье не губил.

А сия, гляди, другая,
Жидкость желтая такая,
Что горит, будто мартен,
Станет зваться «фотоген»,
А потом уж от Торгсина*
Назовется «схерасина»,
В переводе сгоряча,
Слышь, «китайская моча».

А густое это брутто –
Очень вязкая «мазута» –
По-арабски «макзулат» –
Значится: «отброс, обрат».

*Торгсин – торговля с иностранцами – наименование предприятий торговли в 20-30-е годы прошлого века.

Поначалу без опаски
Будет пользован для смазки.
С двух сторон на кажду ось,
Для верчения колёс.

А потом уж инженеры
Новые найдут примеры,
Чтоб «мазуту» расщепить
И продукты получить:
И масла и полимеры,
И товар широкой сферы,
Даже разная еда... –
Нам без нефти никуда.

Чтоб добыть её поболе,
Надо вышки в чистом поле
Порасставить по стране,
И качать её вдвойне.
Отпиши об этом братьям,
Поспешили чтоб собрать бы
Предприимчивых людей
Для развития сих идей.

Комплексной переработки,
Чтоб промышленности сводки
Поражали целый мир,
Как на Пятницкой трактир».
Царь ничуть не сомневался,
Отписал, гонец помчался,
Братьям отвозя тотчас
Ванин царственный указ.

III

Время быстрое проходит,
На пустующей природе,
Где ни сеять, ни пахать,
Ни селиться, ни играть,

Где лишь ветры гулевые
Встали вышки буровые,
Чтоб разведывать и впредь,
Где таится в недрах нефть.

А от скважин ко заводам
Пролегли трубопроводы,
И по рекам и морям,
Где раздолье кораблям,
Всюду танкеры поплыли,
Развозя продукт Сибири:
То есть пламенный бензин
И спокойный керосин.

В топках трубочки прямые –
То форсунки паровые,
Распыляючи мазут
Мощь машинам придают.
От налогов на продажи
Царство богатеет даже,
И нефтяников союз
Важен, словно в картах туз.

А на выставках тем паче
Царство наше всех богаче,
И, добавим мы, притом
Богатеет с каждым днём.
А Гаврила и Данила
Уж не выглядят уныло,
Каждый в чем-то меценат
И своим успехам рад.

Эти царские победы
Злобы порождают беды,
И пятнадцать королей
С черной завистью своей

Армии свои собирают,
Царство наше окружают,
И работать не дают,
Ультиматумы всё шлют.

А слова там не простые, —
Требованья золотые,
Чтоб в аренду им бы сдать
Залежей бы эдак пять,
Да качать бы за границу,
Нет, не только рожь, пшеницу,
В удовольствие своё
Наше черное сырё.

Ультиматумы читая
И короною качая,
Царь Иван к коньку идет
И такую речь ведет:
— Обнаглели ведь соседи,
В удовольствие своё
Дай им черное сырё,

И впридачу непременно
Дай им внутренние цены,
Газ им тоже поставляй,
И в аренду землю сдай...
Коник вежливо вздыхает
И ворчливо отвечает:
«Коль богатства не иметь,
Неча было начинать,

А уж ежели начали,
То спокойно, как в начале,
Будем извергов ломать,
В одиночку разбивать,

А кому, коль не займется,
Послабление дать придется,
Но, конечно, не во всём,
И заботу соблюдём

О своих, стал быть, богатствах,
В интересах наших братьев,
Наших деток, их детей,
И страны, понятно всей.
Чтоб поменьше было споров
В составленьи договоров,
Их проекты мне читай
И доход свой соблюдай».

Постепенно так решая
Все проблемы, соблюдая
Интересы всей страны,
Избегая путь войны,
Одолев судьбы препоны,
Псевдонефтенатяжённый
Царь Иван не в тот же миг
Дипломатию постиг.

Помогал ему Конёчек,
Верный маленький дружок,
Речи умные держать
И страной управлять.
Вот любому б президенту
К предстоящему моменту
Перед тем, как выступить,
Смысл с коньком согласовать.

И тогда бы без обиды
Были распри все забыты,
Был народом бы любим,
Президент, хоть будь он мим,

И дуэтом ли вразрядку ль
Выборы бы шли вприсядку,
И доволен был бы я
И вся Родина моя.

У Иванушки всё проще:
Сытый «пипл» не возропщет,
Строй наследственный блюдет,
И на митинги нейдёт,
А копь вылезет с угара,
С опохмела сонна харя,
Околоточный уряд
Вмиг её задвинет в ряд.

Да и то: при той сермяжной
Жизни, слышь, одноэтажной
Да с заботливым царем,
Что же мы не проживём?
Но летят года как птицы –
Седина у царь-девицы,
У Ивана – борода...
Что поделаешь? – Года...

А дядя, Гаврил с Данилой,
Упокоились могилой
От заслуженных трудов
Да от прожитых годов.
Жены их поприезжали,
Всё цветами украшали,
И уехали в столицы
Украшать свои светлицы.

А Конёчек-Горбуночек,
Умный лошади сыночек,
Вдвое резвость потерял,
Втрое чаще засыпал...

Чтобы успокоить душу
Царь велел позвать Петрушу –
Старшего, стал быть, сына
Побеседовать пока.

Долго ли велась беседа,
Нам неведомо отседа,
Только Пётр главу повесил,
И к коньку пошел невесел:
– Что же делать мне, Конёчек?
Подскажи-ка, Горбуночек,
Хочет царь от дел уйтить,
Царство на меня взвалить...

Да и мать хворает тоже,
Кто же им сейчас поможет?
Может, как то было впрёдь,
Молоко им подогреть?
Пусть нырнут туда обое,
И моложе станут вдвое,
Да и с братьями как быть?
Может, царство разделить?

– Ну, и задал ты задачу, –
Наш конёчек чуть не плачет:
Как Ивану угодить,
Да и царства не сгубить?
Молоко здесь не годится,
Да и ключева водица
Не помогут наперёд
Стать моложе ни на год.

Разделить на вас всё царство
С благом вам-то не удастся:
С разделённою страной
Просто справиться войной.

Не случилось бы разврата,
Когда брат идёт на брата,
За некошенный гектар
Не возникло б разных свар.

Чтобы жизнь была счастливой,
Ты, Петруша, не лениво
В длань кормило-то бери,
И страной своей рули.
А братья пусть помогают,
Отраслями управляют,
Коль неясно что в стране,
Обращаются ко мне.

Так добром и порешили,
Предков с миром проводили,
Помахавши вслед рукой,
На заслуженный покой.
А на троне сел Петруша, —
Пётр Первый, ты послушай,
Знаешь всё ведь про него —
Медный всадник — ого-го!

Но при нём конёчек малый
Был советником удалым,
И окрепла вся страна,
Будто слиток чугуна.
Приросла она морями,
Да заморскими друзьями,
Но об этом в другой раз
Поведу я свой рассказ.

А премудрый тот Конёчек,
Разлюбезный Горбунёчек
Был советником братьям,
Женам их и их друзьям.

Но однажды был обижен
Их потомками, кто ближе
Был к высокому царю, —
Я вам точно говорю.

Он, ни с кем не попрощавшись,
Огорчившись, разбежавшись,
Будто заяц, в темный лес
Скок-поскоком и исчез.
И с тех пор страна родная,
В безнадёге прозябая,
Стала таять и хиреть
Словно на подлоге медь.

Англичане и французы,
Немцы, турки, гагаузы,
Ляхи, шведы и испанцы
Норовят к Руси добраться,
Очутившись, оглядевшись,
Приумывшись, приодевшись,
Ну, карманы набивать,
Власти всякой поимать.

А потомки, слышь, Ершова
Снова стали, право слово,
Ржицу сеять, зябь пахать,
Натуральный хлеб имать.
А своё земное масло,
Что в лампадах не погасло,
За границу гнать сырьём, —
Сами так, мол, проживём.

Только видывали вскоре
Кобылицу-мать на воле,
С длинной гривой и хвостом,
Золотистыми притом,

Рожь потоптану кругами,
Да ложбинку меж холмами,
Будто спину у Конька, –
Выручалы-Горбунка.

Ищет, значит, кобылица
Всё потомков царь-девицы,
Да веселого Ивана,
Да Петра, что с полупьяна
Кровь ершовскую разбавил,
И немецкой к ней добавил,
Чтобы им послушной быть
И конька опять родить...

Тщетно всё, дворянства корни
Выжаты травой сорной,
Пересушены в ковыль
Да в гулаговскую пыль.
По столице чернь пирует,
Нефть народную ворует,
В удовольствие своё
Гонит за рубеж сырьё...

Я кобылку-мать увидел,
Вопросил: «Ну, кто обидел?»
Потрепал по волосам...
Отвечала: «Знаешь сам...».
Голову воздев упруго
Вновь помчался по кругу,
Я за нею, но упал,
А поднявшись, понял: «Спал...»

Записалось – получилось,
Что со мною приключилось...
Поднапрягшись слегка,
Слышу ржание конька...

Я его не позабуду,
Я его ищу повсюду:
На земле и под землёй,
Где же ты, товарищ мой???

Верю в чудо-кобылицу,
В неземную царь-девицу,
Да в премудрого Конька,
От рожденья Горбунка.
Они явятся в Россию
Молодыми в полной силе, —
Перестанут власти красть,
И премудрой станет власть...

Содержание

Предисловие	3
Медведица-Югра	6
Мамонтёнок	6
Осень... ..	7
Материнский дом	8
Тополь и березка	9
«Нефтеюганск, Нефтеюганск...»	10
Парковая скамья	10
Заблудившаяся буровая	11
«Мимо идёшь, улыбаясь...»	13
Юность Комсомольская	14
Русская изба	14
Комсомольский проспект	15
Бульвар писателей	16
Пушкину	17
Пушкин	18
Первое апреля	19
«Стучит по подоконнику капель...»	20
8-е Марта	20
Мартовские иды	21
Тарко-Сале	22
Автобус	22
Поезд	23
Дорога домой	24
«В костюме синем проводница...»	25
Камилла	25
«Ночные поезда...»	26
Отставка	26
Номо нефтяник	27
Посёлок Федоровский	28
«Когда невмочь мне слушать вьюгу...»	28
Ханты-Мансийский вальс	29
Венгрия	30
Тюмень	31
Синг и Сургутнефтегаз (отрывок из поэмы «Сургутнефтегаз сегодня») ..	31
Полеты наяву	32
Биматерикувость	33
Буровая	34

Буровой маршал	35
Пенсионеры	35
Зимние города.....	37
Сибирский отсчет.....	38
Обзор	39
Мой город	40
Крещение в Сургуте.....	40
Грех гордыни	41
Девушка и трубка.....	41
Витязь	42
Наваждение.....	44
Память	44
Праздник	45
«Мы зависим от ласковых слов...»	46
Дождь	47
Кедр	47
Геологи	48
Россия – Русь... ..	49
Единственный город	50
Догорает закат.....	50
Ветераны	51
Первая королева СНГ	52
Бурильщик	52
«Нефтяная королева» – 2002.....	53
Русалки.....	54
Обънефтегазгеология.....	55
ДКИТ «Геолог»	55
Устои морали	56
Фонтан.....	57
Старый буровик.....	57
Подъём колонны.....	58
День нефтяника	58
Вышкомонтажник	59
Терра-певты	60
Перевахтовка	60
Буровики (Отрывок из поэмы).....	61
Речки.....	64
Березонька	64
«Осень – услада дней...»	65

Ледоход	65
Русь.....	66
Сухопутный моряк	66
Рассвет в пути.....	67
Прототип	68
«Гордый князь...»	69
«Унесут...»	69
«От Сургута до Ханты-Мансийска...»	70
«Источник вдохновения – Югра...»	71
Поселок Пионерский Советского района	72
Музы	73
Мидхат Зарипов	74
Эпитафия Петру	75
«Властей избегнув критику и почести...»	75
«Он не думал, он не чаял...»	76
ШГН (штанговый глубинный насос)	77
«Ах, исправник...»	78
Четвертьвековой юбилей.....	78
Лайка	80
Тарас Шевченко	80
Арбузы.....	81
Платье.....	82
Ольгин праздник	83
Величальная Павлу	83
«Крылами гипюровой блузки...»	84
Уборка урожая	84
Рассказ профессора о студентке	85
Новый год	86
«Жизнь без неё, будто кофе без сахара...»	86
Рыжее золото СИНГа.....	87
«Мысли смятенные и сумасбродные...»	87
«Подгадала, как джокера в карте...»	88
«Царит на улице морозная погода...»	88
Конёк-Горбунук-2	89



А СИНГУ полвека исполнилось нынче,
Он строг и подтянут, блестящ и довинчен...
Мальчишки, последний окончивши класс,
Идите в помбуры, и к нам – в Нефтегаз!